

В Японии родные похищают взрослых детей из «сект»
и держат в тюрьмах-квартирах годами, чтобы «спасти».

СВЯТАЯ ЛОЖЬ

МАРК ЛИНТОН

Святая ложь

Марк Линтон

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1: Исчезновение в полдень

Глава 2: Насилие любви

Глава 3: Недостаток доказательств

Глава 4: Паутина

Глава 5: Архивы прошлого

Глава 6: Азиатский плацдарм

Глава 7: Круговая порука

Глава 8: Глобальная паутина

Глава 9: Процесс века

Глава 10: Вирус остается

Пролог

Двенадцать лет. Четыре тысячи триста восемьдесят дней. Время в этой комнате не текло. Оно застывало вязкой субстанцией, оседало пылью на решетках окон и впитывалось в потертый линолеум. Гото Тору перестал считать часы. Он научился измерять жизнь иначе. Жизнь теперь измерялась шагами от кровати до двери. Жизнь измерялась звуком поворачиваемого ключа.

Щелчок замка всегда звучал одинаково. Сухой металлический треск. Он означал, что сейчас войдут они. Те, кто называл себя семьей. Те, кто называл себя спасителями.

В первые месяцы он кричал. Он бился в дверь, срывал голос, требовал адвоката, полиции, хоть кого-нибудь. Он верил, что это ошибка. Чудовищное недоразумение. В цивилизованной стране, в конце двадцатого века, человека не могут просто так вычеркнуть из реальности. Не могут запереть в квартире, как сломанную вещь. Но они могли.

Его брат смотрел на него с жалостью. Это было самое страшное. Не ненависть, а именно жалость. Брат искренне верил, что совершает благо. Что насилие есть высшая форма любви. Что лишение свободы есть единственный путь к истинной свободе. Эту мысль вложили ему в голову профессионалы. Люди с дипломами и в строгих костюмах.

Гото посмотрел на свои руки. Кожа стала бледной, почти прозрачной. Мышцы ослабли без движения. Он был узником совести в собственной стране, но для внешнего мира он просто исчез. Его объявили больным. Его объявили жертвой, которую нужно спасти против ее воли.

За дверью слышались голоса. Один принадлежал отцу. Второй был чужим, но до боли знакомым. Такаси Миямура. Человек, превративший похищение людей в прибыльный бизнес. Профессиональный депрограмматор.

Он приходил сюда как врач приходит к безнадежному пациенту. С уверенностью хирурга, готового ампутировать душу ради спасения тела.

Миямура не носил белого халата. Он носил ауру непогрешимости. Он говорил о любви и защите семьи, но его глаза оставались холодными. В них Гото видел не заботу. Он видел механизм. Бездушный, лязгающий механизм подавления, который перемалывал судьбы с методичностью конвейера.

Дверь открылась. Полоса света из коридора резанула по глазам.

— Ты еще не готов, — сказал Миямура. Это был не вопрос. Это был диагноз.

Гото не ответил. Он знал, что слова здесь не имеют веса. Здесь действуют другие законы. Законы, написанные не в уголовном кодексе Японии, а в методичках по борьбе с инакомыслием. Он тогда еще не знал имен. Не знал, что тень, накрывшая его жизнь, тянется из далекого прошлого. Из кабинетов гестапо тридцатых годов. Из трудов немецких теологов, оправдывавших уничтожение неудобных.

Он просто сидел и смотрел на своих тюремщиков.

В другом городе, в сотнях километров отсюда, молодой врач Хирохиса Коидэ садился в машину. Он еще не знал, что через час его схватят. Что его рот заклеят скотчем. Что его собственные родственники скрутят ему руки. Он думал о пациентах, о планах на выходные. Он не слышал лязга механизма, который уже нацелился на него.

Мир за окном жил своей жизнью. Люди пили кофе, спешили на работу, читали газеты. Никто не замечал, как рядом, за тонкими стенами квартир, происходит тихое убийство личности. Никто не видел невидимой сети, опутавшей страну.

Гото Тору закрыл глаза. Он решил выжить. Не ради себя. Ради того, чтобы однажды этот щелчок замка прозвучал в последний раз. Чтобы выйти отсюда и

рассказать миру правду. Правду о том, как любовь превращают в оружие. Как веру объявляют болезнью. И как под маской спасения скрывается древнее, беспримесное зло.

Он еще не знал, сколько лет ему придется ждать. Но он знал одно. Он не сломается.

Щелчок замка повторился. Дверь закрылась. Темнота снова стала его единственным собеседником.

Глава 1: Исчезновение в полдень

Токио плавился в полуденном зное. Асфальт в районе Синдзюку был мягким, как пластилин, и воздух дрожал над крышами автомобилей, искажая очертания небоскребов. В редакции еженедельника «Сюкан Бунсюн» кондиционеры работали на пределе, но липкое ощущение тревоги, висевшее в воздухе, не имело отношения к температуре.

Мики Тано смотрела на пустой стол. На столешнице, покрытой тонким слоем пыли, стояла кружка с недопитым зеленым чаем. На поверхности жидкости уже образовалась темная пленка. Рядом лежал открытый ежедневник, ручка, брошенная так, словно пишущий собирался вернуться через минуту, и билеты в кино на сегодняшний вечер.

Сатоми Исикава, двадцатипятилетняя сотрудница отдела корректуры, исчезла три дня назад. Она вышла на обед и растворилась в раскаленном воздухе мегаполиса. Ни звонка, ни записки, ни заявления об увольнении.

— Ты все еще копаешься в этом? — редактор отдела новостей, грузный мужчина с вечно расстегнутым воротом рубашки, прошел мимо, бросив на стол Мики папку с новыми заданиями. — Оставь. Девчонка просто сбежала. Может, долги. Может, несчастная любовь. В Токио люди исчезают каждый день. Это называется «дзёхацу» — испарение. Национальная традиция.

Мики не ответила. Она знала про «дзёхацу». Люди, решившие начать новую жизнь, действительно исчезали: меняли имена, переезжали в Осаку или на Хоккайдо, обрывали связи. Но они не оставляли на столе сумочку с кошельком и документами.

— Ее мать звонила вчера, — тихо сказала Мики, не поднимая глаз от ежедневника Сатоми. — Сказала, что Сатоми «в надежных руках» и просила не искать ее. Голос был странный. Словно она читала по бумажке.

— Ну вот видишь, — хмыкнул редактор. — Семейные дела. Самое скучное, что может быть в журналистике. Займись лучше коррупцией в строительном секторе.

Но Мики уже нащупала нить. Тонкую, едва заметную, но прочную, как стальная проволока. В ежедневнике Сатоми последняя запись была сделана не ее рукой. Размашистым, агрессивным почерком поперек страницы с планами на неделю было выведено одно слово: «Спасение».

Полицейский участок района Сибуя встретил ее запахом дешевого кофе и табачного дыма, въевшегося в стены десятилетиями. Дежурный офицер, молодой парень с уставшими глазами, даже не стал открывать базу данных, когда услышал фамилию Исикава.

— Тано-сан, мы уже объясняли вашему коллеге, — он устало потер переносицу. — Заявления о розыске от родственников не поступало. Наоборот, родители подтвердили, что дочь находится с ними. Она совершеннолетняя, дееспособная гражданка.

— Она оставила личные вещи, деньги и документы на работе, — Мики старалась говорить спокойно, хотя внутри нарастало раздражение. — Ее жених, Кендзи, утверждает, что ее увезли насильно. Он видел, как ее заталкивали в минивэн возле офиса. Это похищение, офицер. Это же статья Уголовного кодекса.

Полицейский вздохнул и наклонился вперед, понизив голос, словно доверял ей государственную тайну.

— Послушайте, журналист. Есть такое понятие — невмешательство в гражданские дела. Если родители забирают дочь, чтобы... скажем так, поправить ей мозги или уберечь от дурной компании, полиция в это не лезет. Это семейный конфликт. Мы не можем вламываться в дома добропорядочных граждан только потому, что их дочь решила сменить обстановку, пусть и немного эмоционально.

— Эмоционально? — переспросила Мики. — Кендзи сказал, что ей заклеили рот скотчем.

Офицер откинулся на спинку стула, и его лицо приняло выражение официальной непроницаемости.

— Свидетельские показания жениха, который, возможно, сам является причиной конфликта, ненадежны. У нас есть подтверждение от отца. Девушка в безопасности. Дело закрыто, не успев открыться.

Мики вышла на улицу, чувствуя, как гнев пульсирует в висках. *Невмешательство в гражданские дела.* Волшебная фраза, превращающая преступление в «семейное дело». Она уже слышала это раньше, но никогда не сталкивалась с такой стеной безразличия. В Японии, стране, где порядок возведен в культ, существовала слепая зона. Черная дыра, в которую мог провалиться любой человек, если его похитителями были люди с той же фамилией.

Она достала телефон и набрала номер Кендзи.

— Встретимся через час, — сказала она. — В том кафе, где вы виделись в последний раз. Расскажи мне все. Каждую деталь. Даже то, что кажется тебе бредом.

Кендзи выглядел так, словно не спал неделю. Его руки дрожали, когда он сжимал чашку с холодным кофе. Он был обычным сарариманом, винтиком в корпоративной машине, человеком, который верил в правила и законы. Теперь его мир рухнул.

— Они ненавидели нас, — прошептал он. — Родители Сатоми. Не меня лично, а то, во что мы верим. Они считали, что мы... заражены.

— Церковь объединения? — уточнила Мики. Она знала, что у этой организации сложная репутация, но свобода вероисповедания была прописана в Конституции.

— Да. Мы просто ходили на службы, изучали Принцип. Мы никому не мешали. Но полгода назад ее отец изменился. Он стал... одержимым. Он начал говорить фразами, которые я слышал по телевизору. Про «контроль сознания», про то, что мы роботы. Он перестал видеть в Сатоми дочь. Он видел в ней проблему, которую нужно устранить.

Кендзи полез в портфель и достал смятый лист бумаги.

— Я нашел это в почтовом ящике ее родителей, когда ходил туда требовать встречи. Они не открыли, пригрозили вызвать полицию за домогательства. Но этот счет торчал из ящика.

Мики разгладила бумагу. Это была квитанция. Не официальный фискальный чек, а рукописная расписка на бланке какой-то консультационной фирмы. Сумма заставила ее присвистнуть. Триста тысяч иен. В графе «назначение платежа» значилось: *«Первичная консультация по семейной реабилитации»*.

— Триста тысяч за разговор? — Мики подняла бровь.

— Это только начало, — Кендзи нервно оглянулся. — Я навел справки. В наших кругах... среди верующих... ходят слухи. Есть люди, которые называют себя «консультантами по выходу». Они обещают родителям вернуть детей. Любой ценой. Они берут миллионы.

— Имена? — Мики достала блокнот. — Кто эти консультанты?

— Их много. Но все говорят об одном человеке. Он как призрак. Его имя всплывает то тут, то там, но никто не видел его лица, кроме жертв. Такаси Миямура.

Мики записала имя. Иероглифы легли на бумагу тяжело, словно обладали собственным весом.

— Миямура, — повторила она. — Кто он? Психиатр? Священник?

— Нет, — Кендзи покачал головой. — Он называет себя экспертом. Но те, кто вернулся... те немногие, кому удалось сбежать... они говорят, что он профессиональный тюремщик. Он создает тюрьмы внутри обычных квартир.

Мики вспомнила пустой стол Сатоми. Вспомнила полицейского, говорившего о «семейных делах». Пазл начинал складываться, и картинка была уродливой. Это было не просто похищение. Это была индустрия.

— Кендзи, — Мики наклонилась к нему. — Ты сказал «те, кто вернулся». Ты знаешь кого-то лично?

Он заколебался. Страх в его глазах был осязаемым.

— Есть одна женщина. Эмико. Это случилось с ней несколько лет назад. Она живет затворницей, боится выходить из дома. Но если вы скажете, что хотите помочь Сатоми... может быть, она поговорит.

Квартира Эмико Мотоки была похожа на крепость. Двойная дверь, решетки на окнах, хотя это был третий этаж. Хозяйка открыла не сразу. Когда

Мики вошла, ее поразила тишина в доме. Тишина, в которой слышно, как падает пыль.

Эмико была молодой женщиной, но в ее движениях сквозила старческая осторожность. Она налила чай, стараясь не греметь посудой.

— Вы хотите знать, как это происходит? — ее голос был тихим, лишенным интонаций. — Вы думаете, это похоже на кино? Люди в масках, пистолеты?

— Я хочу знать правду, — сказала Мики.

— Правды нет, — Эмико посмотрела в окно, затянутое плотной шторой. — Есть только предательство. Самое страшное — это не когда тебя хватают чужие люди. Самое страшное — когда ты просыпаешься и видишь лицо своей сестры.

Она рассказала свою историю. Сухо, фактологически, словно зачитывала медицинский отчет о вскрытии собственной души.

— Мы приехали с мужем из Кореи. Хотели познакомить его с моей семьей. Это был ноябрь. Холодно. Мы остались ночевать в родительском доме. Я проснулась от того, что не могла дышать. Кто-то прижимал тряпку к моему лицу. Я открыла глаза и увидела младшую сестру. Она плакала, но держала меня крепко. А отец... отец связывал мне ноги скотчем.

Мики перестала писать. Ручка замерла над блокнотом.

— Они отвезли меня в протестантскую церковь, — продолжала Эмико. — Там уже ждали. Пастор, его жена и несколько бывших членов нашей общины. Они называли это «любовью». Они говорили, что спасают меня от ада. Две недели. Две недели в комнате без окон. Они не давали спать. Они кричали, потом молились, потом снова кричали. Они требовали, чтобы я отреклась. Чтобы я прокляла своего мужа.

— А полиция? — спросила Мики, уже зная ответ.

— Муж звонил им. Много раз. Они говорили: «Разбирайтесь сами». Только когда он пошел в посольство Южной Кореи, когда подключились дипломаты... только тогда они приехали. Нехотя. Словно мы отвлекали их от чего-то важного.

Эмико подняла рукав кофты. На запястье виднелись старые, побелевшие шрамы.

— Это не от веревок, — перехватила она взгляд журналистки. — Это я сама. Я пыталась перегрызть вены, чтобы они остановились. Чтобы они увидели кровь и поняли, что я человек, а не объект для «спасения». Но пастор сказал: «Это демон в ней сопротивляется. Продолжайте».

Мики почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Это происходило здесь, в современной Японии, стране высоких технологий и вежливых поклонов. Под прикрытием религии и семейных ценностей действовал конвейер насилия.

— Кто был этим пастором? — спросила Мики.

— Их много, — ответила Эмико. — Это сеть. Они обмениваются опытом, методичками. Они учат родителей, как лгать, как заманивать, как удерживать. Но за всем этим стоят «консультанты». Те, кто получает деньги.

— Такаси Миямура?

При звуке этого имени Эмико вздрогнула, и чай выплеснулся из чашки на стол.

— Не произносите это имя здесь, — прошептала она. — Он строит эти ловушки. Он убеждает родителей, что любовь требует жестокости. Он берет деньги за разрушение семей. И закон на его стороне.

Вечером Мики вернулась в редакцию. Офис опустел, только уборщица возила шваброй по линолеуму. Мики села за свой компьютер и открыла поисковик.

Она ввела: «Такаси Миямура депрограммирование».

Результатов было немного. Несколько старых статей на маргинальных сайтах, пара упоминаний в судебных хрониках, где иски были отклонены. Но чем глубже она копала, тем страшнее становилась картина.

Она нашла стенограмму судебного заседания 1993 года. Дело № 458, Окружной суд Маэбаси. Пастор Ёсио Симидзу.

Строчки на экране светились холодным синим светом:

«— Скольких людей вы пытались убедить покинуть Церковь объединения?»

— Я помню имена более 50 человек.

— То есть вы не осуществляли заключение?»

— Каково определение «заключения?»

— Это может включать в себя запертые окна, спрятанную обувь или круглосуточное наблюдение...

— Были такие случаи».

«Были такие случаи». Сухая юридическая формулировка, за которой скрывались тысячи часов страха, унижения и боли. Пятьдесят человек только у одного пастора. А сколько таких пасторов? Сколько таких «консультантов»?

Мики нашла еще один документ. Свидетельство А.Й., доктора наук. Похищена в 2011 году. Мать заплатила Миямуре за четыре консультации. Цена вопроса — миллионы иен.

Это был бизнес. Огромный, не облагаемый налогами, кровавый бизнес. Родители продавали квартиры, брали кредиты, влезали в долги, чтобы оплатить

услуги палачей для своих детей. И все это происходило при полном попустительстве государства.

Мики вспомнила слова полицейского: «У него есть связи». В одном из отчетов HRWF (Права человека без границ) она наткнулась на историю Кодзуэ Тэрады. Пастор Такадзава, удерживавший ее, хвастался визитками полицейских. «Даже если придет полицейский, он будет сотрудничать со мной».

Система была гнилой. Она не просто игнорировала проблему — она была ее частью.

Мики распечатала фотографию Сатоми Исикавы, которую дал ей Кендзи. На снимке девушка улыбалась, щурясь от солнца. Она не выглядела как зомби или жертва «промывания мозгов». Она выглядела счастливой. Теперь эта улыбка была заперта где-то в душной комнате с заклеенными окнами, а над ней стояли люди, уверенные в своем праве ломать ее волю.

Журналистка подошла к карте Японии, висевшей на стене. Она взяла красный маркер и поставила точку в Токио. Потом, сверившись с записями, поставила еще одну — в Ниигате. Еще одну — в Кобе.

Точки множились. Исчезновения в полдень. Врачи, инженеры, студенты, домохозяйки. Люди пропадали, оставляя теплый кофе и недописанные отчеты. Их вычеркивали из жизни, объявляли недееспособными, лишали голоса.

Мики поняла, что Сатоми Исикава — это не просто очередной случай для криминальной хроники. Это симптом болезни, поразившей общество. Болезни, у которой были глубокие исторические корни и влиятельные покровители.

Телефон на столе зазвонил, разорвав тишину пустой редакции. Номер был скрыт. Мики сняла трубку.

— Тано-сан? — голос был мужским, низким и спокойным. Слишком спокойным. — Вы задаете много вопросов в районе Сибуя. Это вредно для здоровья. Семейные дела должны оставаться в семье. Оставьте это.

— Кто это? — спросила Мики, чувствуя, как холодок пробежал по спине. — Миямура?

В трубке повисла пауза. Затем раздался короткий смешок, сухой, как треск ломающейся ветки.

— Считайте, что это дружеский совет. Не ищите то, что не хочет быть найденным. Некоторые двери лучше не открывать, потому что за ними нет ничего, кроме темноты.

Гудки отбоя звучали как удары молотка. Мики медленно положила трубку. Ее руки больше не дрожали. Страх ушел, уступив место холодной ярости. Они думали, что напугают ее. Они думали, что она отступит, как отступали другие. Она посмотрела на карту, испещренную красными точками.

— Ошибаетесь, — сказала она в пустоту комнаты. — Я только начала открывать двери.

Она взяла маркер и обвела имя «Такаси Миямура» жирным красным кругом. Бумага под нажимом порвалась, но след остался. Расследование началось.

Глава 2: Насилие любви

Хирохиса Коидэ поправил зеркало заднего вида, вглядываясь в отражение собственных глаз. Усталость залегла тенями под веками — ночная смена в больнице выдалась тяжелой. Он был врачом, человеком науки, привыкшим к стерильной чистоте операционных, четким протоколам лечения и незыблемой логике причинно-следственных связей. В его мире, мире медицины, насилие было патологией, болезнью, которую нужно лечить, а не методом, который можно прописать в рецепте.

Машина мягко шуршала шинами по асфальту, приближаясь к родительскому дому. Звонок матери был настойчивым, но в то же время странно ломким. Она просила приехать, ссылаясь на семейный праздник, на необходимость обсудить что-то важное. В японской культуре отказ старшим, особенно родителям, граничит с кощунством, даже если ты взрослый, состоявшийся мужчина с медицинской лицензией. Коидэ не подозревал, что этот визит станет последним актом его свободной жизни на годы.

Он не знал, что сценарий его «спасения» уже написан, роли распределены, а реквизит закуплен в строительном магазине. Он не знал, что любовь, та самая безусловная родительская любовь, на которой держится мир, была выпотрошена и заменена суррогатом, изготовленным в кабинете профессионального консультанта.

За две недели до этого в другом районе Токио, в неприметном офисе с жалюзи на окнах, решалась судьба Хирохисы. За столом сидели его родители. Напротив них расположился человек, чье имя в определенных кругах произносили с придыханием, как имя чудотворца или, наоборот, великого инквизитора. Такаси Миямура.

Миямура не был похож на монстра. Он не носил черных плащей, не повышал голос. Это был обычный мужчина средних лет, с лицом, которое легко забыть в толпе. Но его слова обладали весом свинцовых плит.

— Ваш сын болен, — говорил он ровным, уверенным тоном. — Вы видите его тело, слышите его голос, но это не он. Его личность подавлена. То, что вы видите перед собой — это оболочка, управляемая чужой волей.

Родители Хирохисы ловили каждое слово. Они были напуганы. Страх — главный инструмент в индустрии депрограммирования. Страх того, что их ребенок «потерян», что он стал частью чего-то непонятного, чуждого традиционному укладу. Миямура мастерски играл на этом страхе, превращая его в оружие.

— Но он работает врачом, он спасает людей... — робко возразила мать.

— Это маскировка, — отрезал Миямура. — Секты часто используют успешных людей как фасад. Внутри он страдает. Он кричит о помощи, но вы не слышите, потому что его рот закрыт доктринами. Вы должны стать его голосом. Вы должны стать его руками.

На столе лежал контракт. Не официальный договор с печатями, который можно оспорить в суде, а негласное соглашение. Суммы, фигурировавшие в этом бизнесе, поражали воображение. Консультация стоила сотни тысяч иен. Полный курс «реабилитации» мог обойтись в миллионы. Родители продавали активы, влезали в долги, отдавали накопления всей жизни. Они платили за похищение собственного ребенка.

— Мы не можем просто схватить его, — отец Хирохисы нервно сжимал руки. — Это незаконно.

Миямура позволил себе снисходительную улыбку.

— В Японии семейные дела священны. Полиция не вмешивается в споры между родителями и детьми. Если вы действуете из любви, закон на вашей стороне. Мы называем это «защитой». Вы не похищаете его. Вы помещаете его в карантин. Разве вы не изолировали бы его, если бы у него была заразная болезнь? Здесь то же самое. Инфекция передается через слова. Поэтому мы должны ограничить его контакты. Полностью.

План был прост и чудовищен в своей детализации. Миямура объяснял, как нужно подготовить квартиру. Окна должны быть заклеены непрозрачной пленкой — свет не должен проникать внутрь, а жертва не должна видеть мир снаружи. Дверные ручки нужно снять изнутри. На входную дверь установить дополнительные замки и цепочки. Все острые предметы убрать. Обувь спрятать.

Это была инструкция по созданию частной тюрьмы. И родители, эти добропорядочные граждане, которые никогда в жизни не переходили дорогу на красный свет, кивали, записывая указания. Они учились лгать сыну, учились заманивать его в ловушку, учились применять физическую силу.

— Помните, — напутствовал их Миямура, когда деньги перекачивали к нему и его посредникам, — когда он будет кричать, когда он будет проклинать вас — это кричит не ваш сын. Это кричит демон, которого мы изгоняем. Не слушайте его. Слушайте меня.

Хирохиса припарковал машину у дома. Окна квартиры на первом этаже были плотно зашторены, но он не придавал этому значения. День был жарким, возможно, родители спасались от солнца.

Он вошел в прихожую, снял обувь. В доме пахло чем-то странным — смесью валерьянки и дешевого клея. Тишина была густой, неестественной.

— Я дома! — крикнул он, проходя в гостиную.

В комнате было много людей. Слишком много для обычного семейного ужина. Помимо родителей, здесь были дядя, тетя и двое крепких мужчин, которых он смутно помнил, как дальних родственников. Все они стояли, словно ожидая сигнала. На столе не было еды. Только рулоны широкого скотча и веревки.

Хирохиса замер. Инстинкт врача, привыкшего мгновенно оценивать ситуацию в приемном покое, забил тревогу. Адреналин ударил в кровь.

— Что происходит? — спросил он, делая шаг назад.

— Прости нас, Хирохиса, — голос отца дрожал, но в нем звучала фанатичная решимость. — Это ради твоего блага.

Сигнал был подан.

Все произошло быстро и хаотично. Это не было похоже на профессиональный захват спецназа. Это была свалка тел, клубок рук и ног, пропитанный потом и страхом. Дядя бросился ему в ноги, сбивая с ног. Тетя схватила за руки. Отец навалился сверху всем весом.

Хирохиса был молодым, здоровым мужчиной, но их было больше. И ими двигало безумие, которое сильнее мышц.

— Вы что творите?! — закричал он, пытаясь вырваться. — Я вызову полицию! Вы с ума сошли!

— Заткните ему рот! — скомандовал кто-то.

Широкая полоса скотча легла на губы, обжигая кожу. Крик оборвался, превратившись в глухое мычание. Руки заломили за спину так сильно, что в плечах хрустнуло. Веревка врезалась в запястья, перекрывая кровоток.

Он видел лицо матери. Она стояла в углу и плакала, закрыв лицо руками. Но она не сделала ни шагу, чтобы остановить это. Она верила, что так нужно. Что боль, которую причиняют ее сыну сейчас, ничто по сравнению с тем «спасением», которое ждет его впереди.

Его поволокли в подготовленную комнату. Он упирался ногами, сбивал мебель, но его тащили, как мешок с мусором. Втолкнули внутрь, бросили на матрас, лежащий прямо на полу.

Щелкнул замок. Потом загремела цепь.

Хирохиса остался лежать на полу, связанный, с заклеенным ртом, в комнате, где окна были затянуты плотной черной пленкой. Он слышал, как за дверью его родственники тяжело дышат, приходя в себя после борьбы. Слышал, как кто-то всхлипывает.

В этот момент его мир, мир прав человека, конституционных свобод и медицинской этики, рухнул. Он перестал быть гражданином Японии. Он перестал быть доктором Коидэ. Он стал объектом. Проектом. Единицей в бизнес-плане Такаси Миямуры.

Первые сутки были адом неопределенности. Время потеряло свои очертания. Без солнечного света, без часов, без звуков улицы день сливался с ночью в единую серую массу.

Хирохиса пытался освободиться от веревок, но узлы были затянуты на совесть. Кожа на запястьях стерлась до крови. Он чувствовал унижение, которое было острее физической боли. Его, взрослого мужчину, заставили ходить под себя, потому что в туалет его выводили только по расписанию и под конвоем, а расписание это устанавливали тюремщики.

На второй день пришел Он.

Дверь открылась, и в комнату вошел Миямура. Он выглядел свежим, выбритым, пахнувшим дорогим лосьоном. Контраст с грязным, потным, связанным Хирохисой был разительным. Это была часть методики — показать полное доминирование, продемонстрировать, кто здесь хозяин положения, а кто — ничтожество.

Миямура сел на складной стул, который принес с собой. Он смотрел на пленника с профессиональным интересом энтомолога, разглядывающего жука под стеклом.

— Снимите скотч, — бросил он отцу Хирохисы, который жался у двери.

Когда скотч сорвали, вместе с кожей и волосками, Хирохиса жадно глотнул воздух. Его губы пересохли и потрескались.

— Вы совершаете преступление, — прохрипел он. Голос не слушался. — Статья 220 Уголовного кодекса. Незаконное лишение свободы. Вы все сядете в тюрьму.

Миямура рассмеялся. Это был тихий, сухой смех, похожий на шелест сухих листьев.

— Доктор Коидэ, вы все еще мыслите категориями внешнего мира. Здесь они не работают. Полиция знает, что вы здесь. Ваши коллеги знают, что вы «заболели» и взяли отпуск. Никто не придет. Никто не будет ломать дверь. Для всего мира вы сейчас находитесь в любящих объятиях семьи, которая заботится о вашем душевном здоровье.

— Это похищение! — выкрикнул Хирохиса.

— Это интервенция, — мягко поправил Миямура. — Мы здесь не для того, чтобы причинять вам боль. Мы здесь, чтобы помочь вам думать. Вы разучились думать, Хирохиса. Вы только повторяете заученные фразы. «Мессия», «Истинные Родители», «Принцип». Это не ваши мысли. Это вирус. И мы будем лечить вас, пока вы не выздоровеете.

— Сколько? — спросил Хирохиса, глядя в глаза отцу. — Сколько вы ему заплатили?

Отец отвел взгляд. Миямура ответил за него:

— Цена свободы не измеряется деньгами. Но да, ваши родители пожертвовали многим. Это доказывает, как сильно они вас любят. Не предавайте их жертву.

Начался процесс «консультирования». Это было не интеллектуальное обсуждение теологии. Это было методичное, безжалостное давление. Миямура не слушал аргументов. Он перебивал, высмеивал, оскорблял. Он использовал тактику изматывания. Сессии длились часами. Хирохисе не давали спать. Как только он начинал клевать носом, его будили — криком, толчком, обливали водой.

Цель была одна: сломать волю. Довести человека до состояния физического и психического истощения, когда сопротивление становится невозможным. Когда мозг, лишенный сна и сенсорных стимулов, готов согласиться с чем угодно, лишь бы этот кошмар прекратился.

Хирохиса понял, что попал в конвейер. Он был не первым и не последним. Миямура упоминал другие имена, другие случаи, хвастаясь своими «успехами». Он говорил о тысячах людей, прошедших через подобные комнаты. О целой индустрии, работающей как часы.

В этой индустрии были свои поставщики (родители), свои менеджеры (пасторы и консультанты), свои рабочие (наемные охранники из числа бывших «депрограммированных») и свой продукт — сломленный человек, отрекшийся от всего, что ему было дорого.

Особенно страшным было участие бывших верующих. Иногда в комнату заходили люди, которые когда-то были членами той же церкви, что и Хирохиса. Теперь они работали на Миямуру. В их глазах была пустота. Они кричали громче всех, оскорбляли яростнее всех. Они должны были доказывать свою лояльность новым хозяевам каждый день. Это была круговая порука предательства. Чтобы перестать быть жертвой, ты должен стать палачом.

— Посмотри на них, — говорил Миямура, указывая на этих людей. — Они освободились. Они счастливы. Ты тоже можешь стать таким. Просто подпиши бумагу. Просто скажи, что твой учитель — мошенник. Это так просто. Одно слово, и двери откроются.

Искушение было велико. Просто солгать. Просто сказать то, что они хотят услышать, выйти отсюда, добраться до телефона... Но Хирохиса знал: это ловушка. «Депрограммирование» не заканчивается подписанием бумаги. После этого начинается этап «пост-реабилитации», когда тебя держат под домашним арестом месяцами, заставляя писать отчеты, доносить на друзей, участвовать в похищениях других. Выхода не было.

Однажды ночью, когда охранник — его собственный двоюродный брат — задремал на стуле у двери, Хирохиса попытался подползти к окну. Он хотел содрать пленку, разбить стекло, закричать в ночную тишину. Его руки были свободны от веревок (маленькая поблажка за «хорошее поведение» на сессии), но ноги все еще были скованы.

Он добрался до окна, царапая ногтями черный пластик. Увидел кусочек уличного фонаря. Этот тусклый желтый свет показался ему самым прекрасным, что он видел в жизни. Но тут брат проснулся.

Удар ногой в бок отбросил его от окна. Потом набежали остальные. Его снова скрутили, снова заклеили рот. Миямура, приехавший через час (он, казалось, никогда не спал), был в ярости.

— Карантин ужесточается, — объявил он. — Никаких прогулок в туалет. Ведро в углу. Еда — один раз в день. Вы сами выбрали этот путь, доктор Коидэ.

В ту ночь Хирохиса понял, что его медицинские знания о физиологии стресса были лишь теорией. Практика оказалась куда страшнее. Он чувствовал, как его рассудок начинает трещать по швам, как реальность расплывается. Он начал разговаривать сам с собой, чтобы слышать хоть один дружелюбный голос.

Но самым страшным было осознание того, что все это происходит при полном попустительстве государства. Полицейский участок находился в двух кварталах отсюда. Патрульные машины проезжали мимо этого дома каждый день. Но для них этой комнаты не существовало. Для них здесь жила любящая семья, решающая свои внутренние проблемы.

Стена между законом и беззаконием оказалась прозрачной, но непробиваемой. И построил эту стену не один человек. Это была система. Система, в которой право на веру было условным, а право на насилие — реальным, если оно прикрыто благими намерениями.

Хирохиса лежал в темноте, слушая дыхание своих тюремщиков за стеной. Он думал о своих пациентах. О клятве Гиппократы. «Не навреди». Как иронично, что люди, называющие себя спасителями, нарушали этот принцип с каждым вздохом.

Он не знал, сколько ему еще предстоит здесь пробыть. Недели? Месяцы? Годы? Пример Гото Тору, о котором шептались в общине, пугал до дрожи. Двенадцать лет. Сможет ли он выдержать столько?

В углу комнаты капала вода из старого крана. Кап. Кап. Кап. Этот звук стал метрономом его новой жизни.

Дверь снова открылась. На пороге стоял Миямура с папкой бумаг.

— Начнем сначала, — сказал он, включая яркую лампу, направленную прямо в лицо узника. — Кто сказал вам, что вы имеете право выбирать свою судьбу?

Свет резанул по глазам, выжигая остатки надежды. Допрос продолжался.

Глава 3: Недостаток доказательств

Свет монитора выхватывал из полумрака редакции стопки бумаг, которые Мики Тано методично раскладывала на полу. Это больше не было похоже на журналистское расследование исчезновения одной девушки. Это напоминало археологические раскопки на месте массового захоронения, где каждый слой грунта открывал новые кости.

Три дня назад она искала Сатоми Исикаву. Сегодня она смотрела в лицо чудовищу, у которого не было одного имени, но было тысячи щупалец.

На пробковой доске, висевшей над столом, красные нити, соединяющие фотографии и документы, сплелись в плотный клубок. В центре этого клубка находился не Такаси Миямура. Миямура был исполнителем, инструментом, скальпелем. Но скальпель не режет сам по себе. Им управляет рука хирурга. А хирургу нужна операционная и лицензия на вмешательство.

Мики взяла в руки копию банковской выписки, которую ей удалось получить через свои источники в налоговой службе. Цифры в колонках были

сухими, безэмоциональными, но они кричали громче любых лозунгов. Это была бухгалтерия человеческих душ.

Индустрия «спасения» оказалась не благотворительностью и не религиозным порывом. Это был высокодоходный бизнес с оборотами, исчисляемыми миллионами долларов.

Связующим звеном, которое Мики искала последние сорок восемь часов, стал человек, чье имя всплывало в рассказах жертв реже, чем имя Миямуры, но всегда с особым пиететом. Пастор Ясутомо Мацунага.

Если Миямура был практиком, ломающим волю в душных комнатах, то Мацунага был теоретиком, обеспечивающим этому процессу моральную легитимность. Он предоставлял не просто помещения для «бесед». Он предоставлял индульгенцию.

Мики нашла запись его проповеди, датированную концом девяностых. Голос на пленке звучал мягко, почти по-отечески.

— Мы не можем позволить нашим детям утонуть в болоте лжи, — говорил Мацунага. — Если человек болен чумой, мы изолируем его. Это не жестокость, это милосердие. Если разум человека захвачен, мы должны освободить его, даже если тело будет сопротивляться. Боль тела ничтожна по сравнению со спасением души.

Мики нажала на паузу. В этой риторике крылся ключ к пониманию того, почему система работала так безупречно. Мацунага и подобные ему пасторы из Объединённых христианских церквей Японии создали теологическое обоснование для уголовных преступлений. Они превратили похищение человека в акт высшей христианской любви.

Но за высокой теологией скрывалась банальная коммерция.

Документы, лежащие перед Мики, рисовали четкую схему. Родители, напуганные рассказами о «зомбировании», приходили в церковь за советом.

Там их встречали с пониманием и сразу же направляли к «проверенным специалистам». Консультация стоила денег. Первая встреча — от двухсот до трехсот тысяч иен. Это был только входной билет.

Дальше начинался процесс «подготовки». Семью убеждали, что их ребенок находится в смертельной опасности. Им продавали страх. И чем сильнее был страх, тем выше становился чек.

Мики нашла свидетельские показания женщины по имени Саюри Хара. В записной книжке ее матери, которую дочь нашла спустя годы после своего освобождения, были скрупулезно зафиксированы расходы. «Пожертвование пастору — 500 000 иен». «Оплата услуг консультанта — 1 000 000 иен». «Аренда помещения — 200 000 иен в месяц».

В сумме родители Саюри взяли в долг у родственников сумму, эквивалентную тридцати тысячам евро. И это был средний чек. По данным правозащитников, в некоторых случаях стоимость «полного курса депрограммирования» доходила до сорока тысяч евро, а иногда и до десяти миллионов иен.

Деньги передавались в конвертах. Никаких кассовых аппаратов, никаких налогов. Это был черный рынок услуг по лишению свободы. И самое циничное заключалось в том, что церковь получала двойную выгоду. Во-первых, она получала процент от работы депрограмматоров, которые использовали церковные помещения как безопасные квартиры. Во-вторых, «успешно» сломленный человек часто становился прихожанином этой самой церкви.

Пасторы, добившиеся успеха в этом конвейере, получали не только деньги, но и новых, фанатично преданных адептов, обязанных им своим «спасением». Это была идеальная схема рекрутинга: сначала разрушить личность человека, а потом собрать ее заново, но уже по своим лекалам, встроив в свою иерархию.

Мики потеряла уставшие глаза. Ей нужно было подтверждение. Не цифры на бумаге, а живой голос. Она договорилась о встрече с бывшим помощником

одного из пасторов, который согласился говорить на условиях полной анонимности.

Встреча проходила в шумном изакая-баре на окраине Роппонги. Мужчина, представившийся как Танака, нервно крутил в руках стакан с водой. Он постоянно оглядывался на вход.

— Вы не понимаете, с кем связываетесь, — сказал он, даже не притронувшись к еде. — Это не просто группа фанатиков. Это корпорация.

— Расскажите мне о Мацунаге, — попросила Мики, включив диктофон, спрятанный в сумке.

— Мацунага... — Танака горько усмехнулся. — Он архитектор. Миямура и другие — это прорабы. Они делают грязную работу. Но чертежи рисуют в кабинетах пасторов. Вы знаете, как это происходит? Семья приходит в отчаянии. Пастор говорит: «Мы поможем, но вы должны довериться нам полностью». Потом появляется консультант. Он объясняет, что закон бессилен, что полиция не поймет. Он учит их лгать.

— Лгать кому?

— Всем. Соседям, коллегам, полиции. Но главное — лгать самой жертве. Заманить домой под предлогом болезни отца или свадьбы сестры. Это стандартный сценарий. Мы называли это «святой ложью».

Танака сделал глоток воды, его кадык нервно дернулся.

— Я видел, как привозили людей. Связанных, с кляпами во рту. Их затаскивали в задние комнаты приходских домов или в арендованные квартиры, которые числились за церковью. И знаете, что самое страшное? Пасторы благословляли это. Они читали молитвы над связанными людьми, пока те бились в истерике. Они говорили: «Терпи, сатана выходит из тебя».

— А деньги? — спросила Мики.

— Огромные деньги. Миллионы долларов ежегодно. Это поток, который не иссякает с конца восьмидесятых. Церкви нужно финансирование, консультантам нужна работа. Это симбиоз. Рука руку моет.

Мики вспомнила случай пастора Ёсио Симидзу. В 1993 году, во время судебного разбирательства в Маэбаси, он под присягой признал, что лично участвовал в «убеждении» более пятидесяти человек. На вопрос судьи о методах он ответил уклончиво, но суть была ясна: запертые окна, спрятанная обувь, круглосуточный надзор. «Бывали случаи, когда это было необходимо», — заявил он тогда. Пятьдесят человек только у одного пастора. А сколько таких пасторов по всей Японии?

— Танака-сан, — Мики наклонилась ближе. — Почему они не бегут? Почему, когда их освобождают или когда они вырываются, они не идут в полицию?

Мужчина посмотрел на нее как на наивного ребенка.

— Потому что они подписывают бумаги.

— Что?

— Согласие. Это часть процесса. Как только человека ломают, как только он перестает сопротивляться физически, ему подсовывают документ. «Я, такой-то, нахожусь здесь добровольно с целью духовного восстановления и общения с семьей». Юридически это шедевр. Если приедет полиция — а она приезжает редко — им показывают эту бумагу. И жертва, запуганная, изможденная, кивает. Потому что ей сказали: если не кивнешь, мы начнем все сначала. И этот ад не кончится никогда.

Вернувшись в редакцию, Мики долго смотрела на карту Японии. Масштаб трагедии подавлял. По данным правозащитных организаций, к 2012 году насчитывалось около четырех тысяч жертв. Четыре тысячи человек, вычеркнутых из жизни, прошедших через унижения, насилие и

психологические пытки. Свидетели Иеговы, члены Церкви объединения — мишенью мог стать любой, чья вера не устраивала мейнстримные конфессии.

Но среди тысяч историй одна выделялась своей чудовищной продолжительностью. История, которая стала легендой в кругах выживших, но о которой молчали газеты.

Гото Тору.

Мики нашла его досье в архиве одной из правозащитных групп. Сначала она подумала, что это опечатка. В графе «срок удержания» стояла цифра: 12 лет и 5 месяцев. Она перечитала еще раз. Двенадцать лет.

Это не укладывалось в голове. Можно похитить человека на неделю. Можно удерживать его месяц в подвале, пока идут поиски. Но двенадцать лет? В современной стране, в эпоху интернета и мобильной связи? Как можно спрятать человека на такой срок, чтобы никто — ни соседи, ни почтальоны, ни участковый — не заметил неладного?

Мики начала погружаться в детали дела Гото. Это был не просто случай похищения. Это был эксперимент по уничтожению человеческой личности, растянутый во времени.

Гото был похищен семьей. Его перевезли в квартиру в Токио, превращенную в бункер. Окна были заклеены, дверь заперта снаружи. Его тюремщиками были родной брат, жена брата и родители. А куратором этого длительного заключения выступал все тот же Такаси Миямура при духовной поддержке пастора Мацунаги.

Двенадцать лет Гото жил в режиме концлагеря. Ему ограничивали еду. Его лишали сна. Его заставляли слушать бесконечные лекции, унижающие его веру. К нему применяли физическое насилие. Но он не ломался.

В этом была уникальность случая Гото. Обычно «депрограммирование» длится от нескольких дней до нескольких месяцев. Человек либо сдается,

подписывает отречение и выходит на свободу (часто сломленным и с тяжелой депрессией), либо ему удастся сбежать. Гото выбрал третий путь: пассивное сопротивление. Он просто отказывался предавать свои убеждения.

И система заклинила. Миямура и Мацунага не знали, что делать с человеком, который готов умереть, но не готов солгать. Они не могли его выпустить — он стал бы живым свидетельством их преступления. Они не могли его убить — это превратило бы «семейное дело» в мокрое уголовное. Поэтому они просто продолжали держать его взаперти, надеясь, что время сделает свое дело.

Гото превратился в узника замка Иф в центре Токио. Он сидел в четырех стенах, пока менялись премьер-министры, пока появлялись новые технологии, пока мир переживал кризисы и войны. Его жизнь остановилась.

Мики нашла информацию о том, что после освобождения в 2008 году Гото подал уголовный иск. Он требовал справедливости. Он хотел, чтобы те, кто украл у него двенадцать лет жизни, ответили по закону.

И что сделала прокуратура? Документ от 9 декабря 2009 года лежал перед Мики. Официальный отказ в возбуждении уголовного дела. Формулировка была стандартной до тошноты: «недостаток доказательств».

Двенадцать лет неволи. Медицинские справки об истощении и атрофии мышц. Свидетельские показания. Признания самих похитителей в том, что они удерживали его. И прокуратура не нашла состава преступления. Это был диагноз. Не Гото, не его семье, а всей правоохранительной системе Японии.

Мики поняла, что столкнулась с круговой порукой. Полиция не вмешивалась, потому что считала это «семейными разборками». Прокуратура закрывала дела, потому что не хотела создавать прецедент, который мог бы ударить по влиятельным религиозным группам, стоящим за депрограмматорами. Суды принимали сторону родителей, руководствуясь традиционными ценностями сыновней почтительности, игнорируя конституционные права личности.

В этой системе человек был ничем. Если на тебя наклеили ярлык «сектант», ты терял право на защиту. Тебя можно было похитить, избить, изнасиловать (как в случае с той женщиной, чей отец покончил с собой от стыда, узнав правду), запереть на годы. И общество, подстрекаемое «экспертами» вроде Миямуры, будет аплодировать твоим мучителям.

Мики почувствовала, как внутри закипает холодная ярость. Она вспомнила лицо Кендзи, жениха пропавшей Сатоми. Вспомнила шрамы на запястьях Эмико. Теперь она знала, что ждет Сатоми, если ее не найти. Ее ждет конвейер. Ее ждет комната с заклеенными окнами, визиты пастора с добрыми глазами и жесткие руки «консультантов». И, возможно, бумага о «добровольном согласии», которая станет ее приговором.

Журналистка взяла маркер и написала на доске новое слово, соединив имена Миямуры, Мацунаги и прокурора, закрывшего дело Гото.

Слово было: **СИНДИКАТ**.

Это не были разрозненные фанатики. Это была организованная преступная группа, действовавшая под прикрытием религии и молчаливого согласия государства. И у этой группы были глубокие корни.

Мики перевела взгляд на стопку старых газет и копий архивных документов, которые она запросила из Европы. В одной из статей, переведенных с немецкого, мелькнула фамилия, которая показалась ей смутно знакомой по университетскому курсу истории религии.

Вальтер Кюннет. Немецкий теолог. Борец с ересью. Человек, чьи идеи о защите «народного организма» от чужеродных элементов так нравились в Третьем Рейхе.

Какая связь могла быть между нацистским богословом середины двадцатого века и японскими пасторами, похищающими людей в двадцать первом? Мики пока не знала ответа. Но интуиция подсказывала ей, что

идеология ненависти, как вирус, способна переживать своих создателей и мутировать, находя новых носителей на других континентах.

Она взяла телефон. Ей нужно было позвонить адвокату, который вел гражданский процесс Гото Тору. Если уголовное дело закрыли, то гражданский иск оставался единственной надеждой на правду.

— Алло, офис адвоката Сайто? — спросила она, когда на том конце сняли трубку. — Это Мики Тано из «Сюкан Бунсюн». Я знаю, что вы проиграли уголовный процесс. Но я хочу знать, кто на самом деле сидел на скамье подсудимых. Не физически, а идеологически.

В трубке повисла тишина, а затем усталый мужской голос ответил:

— Вы задаете правильные вопросы, Тано-сан. Но готовы ли вы услышать ответы? Потому что то, что мы раскопали в архивах защиты, пугает даже меня. Корни этого дерева уходят в такую тьму, по сравнению с которой наши местные депрограмматоры — просто дети, играющие со спичками.

Мики посмотрела на фотографию Гото Тору, сделанную сразу после его освобождения. Изможденное лицо, впалые щеки, но глаза... Глаза человека, который прошел через ад и не сгорел.

— Я готова, — сказала она. — Я хочу видеть корни.

За окном редакции начинался рассвет. Токио просыпался, не подозревая, что в его бетонных недрах, в обычных квартирах и церковных пристройках, прямо сейчас сотни людей просыпаются в плену, ожидая очередного сеанса «спасения». Механизм работал. Шестеренки крутились, смазанные деньгами и равнодушием. Но теперь Мики видела схему этого механизма. И она собиралась найти способ его заклинить.

Глава 4: Паутина

Библиотека Национального парламента Японии в районе Тиёда напоминала огромный бетонный склеп, где хранились не тела, а мысли. Мики Тано провела здесь последние три дня, зарывшись в архивы периодики и микрофильмы. Её глаза болели от мерцания экранов, а пальцы были черными от типографской пыли, но она не могла остановиться.

Она искала ответ на вопрос, который не давал ей покоя после встречи с адвокатом Сайто. Вопрос был не «кто» и не «как». Имена исполнителей — Миямура, Мацунага — были ей известны. Методы — похищение, изоляция, насилие — задокументированы.

Вопрос был: «Почему?» Почему в стране, где вежливость возведена в абсолют, а уровень насильственных преступлений один из самых низких в мире, общество толерантно относится к тому, что родители нанимают головорезов для собственных детей? Почему полиция, обычно столь педантичная, закрывает глаза на крики о помощи, если они доносятся из «религиозного» контекста? Ответ лежал не в уголовном кодексе. Он лежал в области идей.

Мики развернула на столе копию старой брошюры, изданной в начале девяностых одной из «консультационных групп». На обложке был изображен силуэт человека-марионетки, нити которого уходили в темное облако. Заголовок гласил: *«Спасите своих близких от духовного хищничества»*.

«Духовное хищничество». Термин был хлестким, пугающим и... медицинским. Он предполагал, что существует некая зараза, некий вирус, который превращает человека в добычу.

Напротив Мики сидел профессор социологии Кэндзио Араи, человек с острым, как птичий клюв, носом и печальными глазами. Он согласился встретиться с журналисткой только здесь, в публичном месте, подальше от университетских кафедр.

— Вы ищете логику там, где её нет, Тано-сан, — тихо сказал профессор, перебирая распечатки, которые принесла Мики. — Вы пытаетесь понять это как преступление. Но для них это не преступление. Это санитарная обработка.

— Объясните, — попросила Мики.

— Все начинается с языка, — Арай постучал пальцем по брошюре. — Посмотрите на терминологию. Они никогда не говорят «верующий» или «обращенный». Они говорят «жертва культа». Они не говорят «смена убеждений». Они говорят «промывание мозгов» или «контроль сознания».

Мики кивнула. Эти фразы она слышала постоянно.

— Это не просто слова, — продолжил профессор. — Это юридическая и моральная ловушка. Концепция «промывания мозгов» — это популярная псевдонаучная «универсальная отмычка», которую часто пытаются выдавать за строгую психологическую теорию; при этом Американская психологическая ассоциация не приняла ее как официально подтвержденную научную основу для подобных обвинений. А европейская судебная практика по делам о «спасении от секты» и насильственном «депрограммировании» обычно рассматривает не мифы и лозунги, а конкретные факты принуждения и незаконного лишения свободы — и не превращает слова про «зомбирование» в индульгенцию. Нет никакой магической кнопки в голове, которую можно нажать, чтобы превратить человека в зомби. Люди меняют веру, потому что ищут смыслы, потому что переживают кризис или находят ответы на свои вопросы. Это свободный выбор, даже если он нам не нравится.

Он сделал паузу, оглядываясь по сторонам.

— Но если вы признаете, что человек выбрал «стрannую» религию добровольно, вы должны уважать его выбор. Это конституционное право. А если вы убедите общество, что его «зазомбировали», что его воля подавлена, что он не субъект, а объект манипуляции... тогда все меняется.

— Тогда он теряет право голоса, — закончила за него мысль Мики.

— Именно. Если человек «психически недееспособен» из-за «контроля сознания», то насилие над ним перестает быть насилием. Оно становится терапией. Похищение становится «спасением». Избиение становится «шоковой терапией». Эта идея — лишение человека субъектности — и есть фундамент, на котором стоит вся индустрия депрограммирования.

Мики посмотрела на схему, которую набросала в блокноте. Это была идеальная конструкция. Сначала вы придумываете болезнь («зомбирование»), которую не признает официальная медицина. Потом вы объявляете себя единственными врачами, способными её вылечить. А лекарством назначаете насилие.

— Но откуда это пришло? — спросила она. — Это не японское изобретение. У нас есть традиция семейного давления, но такая систематизированная, идеологически обоснованная жестокость... это чужеродно.

Профессор Араи грустно улыбнулся.

— Вы правы. Это импорт. Мы, японцы, отличные ученики. Мы взяли технологию, разработанную на Западе, и довели её до совершенства, наложив на нашу культуру стыда и коллективизма.

След вел через океан.

Мики погрузилась в изучение истории вопроса. В семидесятых годах в США появились так называемые депрограмматоры — люди и группы, которые за деньги занимались насильственным «выводом из культов», включая похищения и незаконное удержание молодых людей из коммун хиппи и новых религиозных движений. Один из самых известных деятелей ранней волны, Тед Патрик, фигурирует в источниках под прозвищем «Black Lightning» («Чёрная молния»).

Их методы были грубыми, ковбойскими. Но к девяностым годам в Америке эта практика пошла на спад — суды начали давать реальные сроки за

киднеппинг, а правозащитники доказали несостоятельность теории принудительного убеждения.

Но вирус уже перелетел Тихий океан.

Японские пасторы и «консультанты» подхватили знамя, выпавшее из рук американских коллег. Они ездили на стажировки. Они переводили методички. Они адаптировали агрессивную риторику под японский менталитет.

В одной из папок Мики нашла перевод статьи американского антикультиста, датированной 1988 годом. Текст был испещрен пометками на японском языке. Почерк был аккуратным, уверенным.

«Культ — это не религия. Это раковая опухоль на теле нации. У раковой клетки нет прав. Её нужно вырезать».

Эта метафора — болезнь, опухоль, вирус — повторялась из документа в документ. Это была классическая дегуманизация. Чтобы заставить любящую мать позволить чужим мужчинам связывать её сына, нужно убедить её, что перед ней не сын, а оболочка, захваченная «чужим».

Мики наткнулась на стенограмму выступления одного из японских идеологов борьбы с сектами на закрытой конференции в Осаке.

«Мы находимся на войне. Это невидимая война за душу Японии. Враг хитер. Он прикрывается Конституцией и правами человека. Но права человека — для людей. А те, кто продал душу лидеру культа, перестали быть людьми в полном смысле этого слова. Они — инструменты разрушения традиционной семьи».

Риторика была военной. «Фронт», «стратегия», «мобилизация», «угроза национальной безопасности». Религиозные меньшинства представлялись не как группы инакомыслящих, а как диверсионные отряды, подрывающие устои государства.

Это напомнило Мики что-то очень страшное. Что-то из уроков истории, которые хотелось забыть.

Она вспомнила термин «Римская формула», о котором говорил один из экспертов в документальном фильме, который она смотрела накануне. *Divide et impera*. Разделяй и властвуй. Создай образ врага. Навесь на него ярлык. Расчеловечь его. И тогда толпа сама расправится с ним, а ты останешься в стороне, с чистыми руками.

В Японии этот механизм сработал безупречно. Общество, напуганное газовой атакой в метро, устроенной «Аум Синрикё» в 1995 году, было готово дуть на воду. Терракт секты «Аум Синрикё» стал ключевой коллективной травмой, резко усилившей общественную подозрительность к новым религиозным движениям. Антикультисты мастерски использовали эту травму. В правозащитных и академических источниках неоднократно отмечается, что после 1995 года риторика «борьбы с культами» в Японии стала значительно агрессивнее и шире по охвату. Антикультисты проводили риторические параллели между «Аум Синрикё» и другими нетрадиционными религиозными группами, представляя их как потенциально опасные для общества. Свидетели Иеговы, евангелисты, последователи Церкви объединения — в публичном дискурсе и медиа часто оказывались объединены под общим ярлыком «деструктивный культ».

Мики нашла документ, касающийся дела одной женщины, похищенной в 2004 году. Её держали в квартире в районе Сэтагая. «Консультант» (ученик Миямуры) часами кричал на неё:

— Ты предательница! Ты предала своих предков! Ты предала Японию! Твой бог — кореец, значит, ты шпионка!

Национализм сплетался с религиозной нетерпимостью в тугой узел. «Духовное хищничество» подавалось как иностранная интервенция. Спасение от веры становилось актом патриотизма.

Вечером Мики встретила с лингвистом, доктором филологии Сатоко Накамура. Женщина принесла с собой ноутбук и несколько графиков.

— Я проанализировала тексты, которые распространяют эти группы, — сказала Накамура, разворачивая экран к Мики. — Это учебник по разжиганию ненависти. Посмотрите на частотный словарь.

На экране светились столбики слов.

— Самые частые определения: «деструктивный», «тоталитарный», «псевдо-», «опасный», «смертельный». Они создают семантическое поле угрозы. Но самое интересное — это глаголы. В отношении верующих используются глаголы пассивного залога: «были завербованы», «подверглись обработке», «стали жертвами». Это лишает их воли на уровне грамматики. А в отношении депрограмматоров — глаголы активного, героического действия: «спасают», «освобождают», «борются».

— Это программирование, — прошептала Мики.

— Да. Ирония в том, что те, кто кричит о «зомбировании», сами используют методы нейролингвистического программирования, чтобы управлять общественным мнением. Они создают реальность, в которой насилие становится добродетелью.

Накамура открыла другой файл.

— Но есть еще кое-что. Я нашла стилистические совпадения. Некоторые обороты речи, некоторые специфические теологические аргументы... они звучат неестественно для японского языка. Это кальки. Переводы.

— С английского? — спросила Мики.

— Частично. Но корни уходят глубже. Я нашла старые тексты, переведенные с немецкого. Аргументация о «народном организме» (Volksorganismus), который нужно защищать от «инородных духовных тел». Это терминология немецкой лютеранской апологетики тридцатых годов.

Сердце Мики пропустило удар.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Концепция того, что государство и доминирующая церковь должны объединиться для борьбы с ересью ради сохранения нации — это чисто европейская идея того периода. В Японии религия всегда была делом рода, а не государства. Но здесь мы видим внедрение идеи «духовной безопасности» на государственном уровне.

Мики вспомнила имя, которое мелькнуло в её расследовании раньше. Вальтер Кюннет.

Она достала телефон и ввела запрос в базу данных университетской библиотеки. На этот раз она искала не новости, а теологические труды.

Результат поиска выдал несколько ссылок на переводы статей, опубликованных в малотиражных христианских вестниках Японии и Кореи. Авторы ссылались на «авторитетных европейских апологетов».

Она открыла одну из статей.

«Как учил нас великий борец за чистоту веры, толерантность к злу есть соучастие в зле. Мы не можем позволить ложным пророкам развращать душу нашего народа. Меч духа должен быть твердым».

Под статьей стояла подпись пастора, который был наставником Мацунаги.

Пазл складывался. Японские депрограмматоры были идейными наследниками. Они считали себя воинами света. Их жестокость была не побочным эффектом, а священным долгом.

Мики поняла, почему они так уверены в своей правоте. Почему они не боятся судов. Они верят, что выполняют высшую миссию. И эта вера была страшнее любой корысти.

На следующий день Мики отправилась в район Синдзюку, к офису одной из правозащитных организаций, помогающих жертвам насилия. Ей нужно было увидеть последствия этой «теологии» своими глазами. Не в сухих отчетах, а в живом человеке.

Её познакомили с молодым мужчиной по имени Такеши. Он вышел из «карантина» полгода назад. Его взгляд все еще бегал, а руки дрожали, когда он прикуривал сигарету.

— Они говорили, что я болен, — рассказывал он, глядя в стену. — Мужчина приходил каждый день. Он говорил: «Ты не имеешь права верить в это, потому что это не вера, а зависимость. Мы лечим тебя».

— Что они делали? — спросила Мики.

— Они заставляли меня писать. Писать отречение. Снова и снова. «Я признаю, что был обманут». «Я признаю, что мои духовные лидеры — мошенники». Если я отказывался, они выключали свет. Или не давали воды. Или включали записи с криками других людей.

Такеши затянулся сигаретой так глубоко, что казалось, дым пойдет из ушей.

— Самое страшное было не это. Самое страшное было, когда они приводили маму. Она сидела напротив и плакала. А мужчина говорил: «Смотри, ты убиваешь её. Твой демон мучает её. Отрекись ради неё». И я чувствовал себя чудовищем. Я действительно начинал верить, что я монстр.

Это была технология распада личности. Сначала человека изолируют. Потом его лишают сна и сенсорных ощущений. Потом его бомбардируют чувством вины. И, наконец, ему предлагают выход: предай себя, и боль прекратится.

— Вы подписали? — тихо спросила Мики.

— Да, — Такеши опустил голову. — На сороковой день. Я сломался. Я подписал все, что они хотели. Я сказал, что ненавижу свою церковь. Я сказал, что люблю их за то, что они меня спасли.

— И они отпустили вас?

— Не сразу. Еще месяц «реабилитации». Я жил в квартире под надзором. Я должен был улыбаться. Я должен был свидетельствовать другим родителям, как я счастлив. Я стал частью их рекламы. «Смотрите, мы вылечили его!».

Он поднял на неё глаза, полные слез.

— Но внутри я умер, Тано-сан. Они не спасли меня. Они убили того парня, которым я был. Теперь я просто... оболочка.

Мики вышла на улицу. Токийский воздух казался тяжелым, пропитанным ложью.

Она поняла, что имеет дело с системой, которая научилась превращать любовь в орудие пытки. Эта система не возникла на пустом месте. Она была тщательно сконструирована. У неё были свои архитекторы, свои инженеры и свои прорабы. И чертежи этой конструкции были нарисованы не иероглифами.

Вернувшись в редакцию, Мики достала из принтера свежую распечатку. Это была схема связей международных антикультовых организаций. Линии соединяли США, Францию (FECRIS), Германию, а также — Россию и Азию.

В центре этой паутины, как черный паук, сидела идеология, которая делила людей на «правильных» и «неправильных», на «полноценных граждан» и «биомассу», подлежащую переработке.

Мики взяла красный маркер и написала на доске одно слово: **АПОЛОГЕТИКА.**

Это слово, означающее «защита веры», было извращено до неузнаваемости. Теперь оно означало нападение.

В куче документов, присланных ей коллегой из Европы, лежал перевод архивной справки о деятельности «Апологетического центра» в Берлине в 1930-х годах. В справке говорилось о методах борьбы с «сектантской угрозой», разработанных руководителем центра.

Мики провела пальцем по строчке. Имя руководителя. Вальтер Кюннет.

А рядом, в современном отчете о конференции в Токио, где выступал Мацунага, цитировались те же самые тезисы. Слово в слово. О «духовной гигиене». О «защите народного организма». Прошлое не умерло. Оно даже не стало прошлым. Оно просто сменило язык, на котором отдаются приказы.

Мики почувствовала, как по спине пробежал холод. Она нашла источник. Теперь ей предстояло спуститься в эту кроличью нору до самого конца, в темные времена Европы, чтобы понять, как тень нацистского богослова накрыла собой современные азиатские мегаполисы.

Она сняла трубку телефона и набрала номер профессора истории, специалиста по немецкой теологии XX века.

— Мне нужно встретиться с вами, — сказала она, не тратя времени на приветствия. — Я нашла звено. Я знаю, кто научил их ненавидеть.

На столе перед ней лежала фотография Гото Тору. Он смотрел на неё из своего двенадцатилетнего заточения. Теперь она знала, кто построил его тюрьму. Не брат. Не отец. И даже не Миямура. Тюрьму построила идея. Идея о том, что некоторые люди не имеют права быть собой.

Мики выключила свет в кабинете, но темнота не рассеялась. Расследование только начиналось по-настоящему.

Глава 5: Архивы прошлого

Архивные документы пахнут временем, которое спрессовалось в сухую, ломкую бумагу. Для Мики Тано этот запах стал ароматом войны. Не той войны, что гремела взрывами и лязгала гусеницами танков, а тихой, кабинетной войны, где убийства совершались росчерком пера, а концлагеря строились сначала в богословских трактатах, и лишь потом — в реальности.

Она сидела в небольшом кабинете профессора истории религии, доктора Герхарда Вайса, который согласился помочь ей с переводами немецких архивов. Вайс, пожилой мужчина с глубокими морщинами, прорезавшими лоб, протирает очки краем свитера. Перед ними на столе лежали копии документов, полученные по запросу из Германии. Некоторые из них были помечены грифами, давно утратившими силу, но не утратившими своей зловещей ауры.

— Вы понимаете, что держите в руках, Мики-сан? — тихо спросил Вайс, водружая очки на нос. — Это не просто история церкви.

Мики посмотрела на верхний лист. Это была копия доклада, датированного апрелем 1933 года. Заголовок, набранный готическим шрифтом, гласил: «*Die Kirche vor der Judenfrage in Deutschland*» — «Церковь и еврейский вопрос в Германии». В папке рядом лежало имя — то, за которым она сюда и пришла: Вальтер Кюннет. Имя, которое она искала. Имя, которое эхом отзывалось в судьбах японских семей спустя восемьдесят лет.

— Расскажите мне о нем, — попросила Мики. — Не как о строчке в энциклопедии. Кто он был? Человек, который научил мир ненавидеть инакомыслие «научно».

Вайс вздохнул и положил руку на стопку бумаг, словно пытаясь удержать вырывающихся оттуда демонов.

— Чтобы понять Кюннета, нужно вернуться назад, в двадцатые годы. Германия унижена Версальским миром. Инфляция, бедность, хаос. Люди ищут

ответы. И церковь боится. Она боится потерять паству, боится коммунистов, боится новых идей, которые хлынули в страну.

В 1921 году Евангелическая церковь Германии принимает решение, которое станет роковым. Она создает в Берлине организацию со странным, на первый взгляд, названием — *Apologetische Centrale*. Апологетический центр.

— Апологетика — это защита веры, верно? — уточнила Мики. — Звучит безобидно.

— В том-то и дьявольская хитрость, — усмехнулся профессор. — Изначально, в ранний период (в т.ч. при участии Карла Гюнтера Швейцера), они действительно занимались наблюдением. Они изучали конкурентов: антропософов, монистов, спиритуалистов, свободные философские кружки. Но грань между наблюдением и разведкой очень тонка. Когда ты начинаешь составлять списки тех, кто думает иначе, ты уже делаешь первый шаг к тому, чтобы передать эти списки палачу.

Вайс вытащил из стопки фотографию. На ней был изображен молодой мужчина с жестким, волевым лицом и холодным взглядом. Вальтер Кюннет. В 1932 году он сменил Швейцера на посту руководителя Центра. И именно с его приходом «защита веры» превратилась в нападение.

— Кюннет был талантлив, — признал Вайс. — Блестящий ум, великолепное образование. Он не был уличным громилой из штурмовых отрядов. Он был интеллектуалом. И именно это делает его преступление таким страшным. Он дал нацизму то, чего у того не было — теологическое и моральное обоснование террора.

Мики взяла в руки перевод доклада 1933 года. Строчки прыгали перед глазами, но смысл был ясен и ужасен. Кюннет писал о том, что иудаизм — это не просто другая религия. Это «инородное тело в народном организме».

Эта метафора поразила Мики. Если нация — это живое тело, то любое меньшинство, любая группа, не вписывающаяся в стандарт, автоматически

становится вирусом, бактерией, раковой опухолью. А с опухолью не ведут диалог. Ее вырезают.

— Видите? — палец Вайса указал на абзац. — Он перевел ненависть на язык медицины и биологии. Он убедил церковь и общество, что уничтожение «чужих» — это не убийство, а хирургия. Это акт спасения нации.

Но Кюннет не ограничился теорией. Он был человеком действия.

Вайс достал следующий документ. Это была докладная записка Кюннета руководству Рейхской церкви от 16 декабря 1933 года. Текст был сухим, деловым, но от него веяло могильным холодом.

«Управление гестапо проявило большой интерес к архиву сект Апологетического центра и к нашей работе по борьбе со свободомыслием, марксизмом и большевизмом. Гестапо выразило желание в будущем возглавить борьбу с нелегальным свободомыслием вместе с Апологетическим центром. Обмен материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался».

Мики перечитала эти строки дважды.

— Они сотрудничали официально? — спросила она, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Церковная организация и тайная полиция?

— Более того, — кивнул Вайс. — Это был симбиоз. Гестапо умело ломать кости, но они плохо разбирались в идеологии. Им нужны были эксперты, которые укажут, кого именно нужно бить. Кюннет и его сотрудники стали этими экспертами. Они поставляли гестапо досье. Они говорили: «Вот эта группа опасна. Вот эти люди — сектанты. А вот эти — скрытые враги».

Списки. Черные списки, составленные в тишине церковных кабинетов, лежали на столах следователей в подвалах на Принц-Альбрехт-штрассе.

Мики вспомнила рассказы японских жертв. «Консультанты», которые убеждали родителей, что их дети «больны». Пасторы, которые благословляли

насилие. Все это было здесь, в этих бумагах тридцатых годов. Схема была отработана до мелочей. Сначала дегуманизация (объявление «сектой» или «инородным телом»), затем — делегирование насилия государству или, как в случае современной Японии, частным лицам при попустительстве государства.

— Но ведь Кюннет был протестантом, — заметила Мики. — Разве нацисты не преследовали и церковь тоже?

— Это сложный момент, — Вайс потер переносицу. — Кюннет принадлежал к так называемой «Исповедующей церкви», которая находилась в оппозиции к попыткам Гитлера полностью подчинить религию. Но его оппозиция касалась церковной автономии, а не методов борьбы с инакомыслием. В вопросе уничтожения «сект» и евреев он был полностью солидарен с режимом. Он считал, что делает богоугодное дело, очищая Германию от скверны.

Вайс пододвинул к ней еще один документ. Это была копия директивы, подписанной Рейнхардом Гейдрихом, главой службы безопасности Рейха (СД). Человеком, которого называли «архитектором Холокоста». Директива касалась подавления религиозных обществ и сект.

«...Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху... по возможности между 7:00 и 9:00».

Методы Гейдриха, основанные на списках Кюннета, были идеальной инструкцией по уничтожению гражданского общества.

— Кюннет не был единственным, — продолжал Вайс, видя, как тяжело Мики воспринимает информацию. — Были и другие. Например, Пауль Шойрлен, еще один лютеранский «сектовед». В тридцатые годы он выступал экспертом на суде в Берне, где пытались доказать подлинность «Протоколов сионских мудрецов». Нацисты использовали его авторитет теолога, чтобы легализовать самую гнусную ложь XX века.

— А Ланц фон Либенфельс? — спросила Мики, вспомнив имя из своих заметок.

— О, это более темная сторона, — Вайс поморщился. — Либенфельс был оккультистом, основателем «Нового ордена тамплиеров». Он называл себя «религиозно-политическим экспертом по сектам» еще до Кюннета. Его идеи были безумны: кастрация «низших рас», принудительная стерилизация, депортация на Мадагаскар или сожжение как жертва Богу. Кюннет был академичнее, респектабельнее, но, по сути, он ввел в легальное поле то, о чем мечтал Либенфельс. Идею о том, что некоторые люди биологически или духовно неполноценны и подлежат устранению.

Мики смотрела на документы. Апологетический центр Кюннета работал в тесной связке с Министерством пропаганды Геббельса. Они создавали информационный фон. Статьи, лекции, брошюры о «сектантской угрозе» готовили общество к репрессиям. Обывателю объясняли: твой сосед, который ходит на собрания антропософов или изучает Библию не так, как пастор в кирхе — враг. Он опасен для твоих детей. Он разрушает единство нации.

И общество верило. И когда за соседом приходили люди в кожаных плащах, обыватель отворачивался или одобрительно кивал. «Так надо. Это для нашей безопасности».

— Самое страшное случилось потом, — голос Вайса стал глухим. — Война закончилась. Гитлер застрелился. Гейдрих был убит. Нюрнбергский процесс осудил главарей Рейха. Но что стало с идеологами? Что стало с теми, кто писал обоснования?

Мики знала ответ, но боялась его произнести.

— Вальтер Кюннет не сел в тюрьму, — сказала она.

— Нет, — Вайс покачал головой. — Он не просто не сел. Он продолжил карьеру. В 1946 году, когда руины Берлина еще дымились, а мир узнавал правду

об Освенциме, Вальтер Кюннет стал почетным профессором богословия в Эрлангене.

Мики представила себе эту картину. Человек, чьи списки отправляли людей в газовые камеры, стоит за кафедрой. Он читает лекции студентам. Он учит их морали. Он пишет книги.

— Он прожил долгую жизнь, — продолжал Вайс. — Умер в 1997 году, в возрасте 96 лет. Почти век. Он был уважаемым теологом, получал награды, участвовал в дискуссиях. Он создал «Новое исповедническое движение». И он никогда, слышите, Мики, никогда публично не покался в том, что создал механизм уничтожения инакомыслящих.

Вайс нашел цитату Кюннета, сказанную им спустя тринадцать лет после Хиросимы.

«Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

— Это логика фанатика, — сказала Мики. — Если цель — защита «своих», то любое средство, даже самое чудовищное, оправдано. Атомная бомба, концлагерь, похищение человека — все это «служение любви».

— Именно, — подтвердил профессор. — И эта логика не умерла вместе с ним. Она осталась в его книгах, в его лекциях, в его учениках. Википедия молчит о его сотрудничестве с гестапо, ограничиваясь скудными фразами. Кто-то очень тщательно чистит его биографию. Потому что его наследие живо.

Мики подошла к окну. За стеклом шумел современный город, но ей казалось, что она видит тени прошлого.

Кюннет создал прецедент безнаказанности. Он доказал, что можно быть архитектором террора и остаться рукопожатным в приличном обществе, если назвать террор «борьбой с сектами».

— Его идеи мутировали, — сказал Вайс, вставая из-за стола. — После войны слово «еврей» стало табу. Но слово «сектант» осталось легальным.

Механизм перенастроили. Вместо расовой чистоты стали бороться за «духовную чистоту». Вместо гестапо появились «депрограмматоры» и «консультанты». Но суть осталась прежней: есть группа людей, которых можно лишить прав, потому что они «неправильно» верят.

Мики собрала копии документов в папку. Они жгли руки.

Она поняла, почему японская полиция бездействует. Почему суды закрывают глаза. Потому что в основе современной системы лежит тот же принцип, что и в докладе Кюннета 1933 года: государство имеет право определять, какая вера правильная, а какая — «иностранное тело».

— Спасибо, профессор, — сказала она. — Теперь я знаю, с кем мы имеем дело. Это не просто преступная группировка. Это историческая традиция.

— Будьте осторожны, Мики-сан, — предупредил Вайс на прощание. — Те, кто охраняет это наследие, не любят, когда ворошат прошлое. Кюннет умер, но его тень длинная. Она накрыла не только Германию.

Выйдя на улицу, Мики вдохнула прохладный воздух. Ей нужно было позвонить адвокату Сайто. Теперь у них было нечто большее, чем просто доказательства похищений.

Она достала телефон и набрала сообщение: *«Я нашла исток. Это началось не в Токио. Это началось в Берлине, в 1933-м. И этот человек умер в своей постели, почитаемым профессором. Мы боремся с призраком, который обрел плоть».*

Она нажала «отправить». В этот момент ей показалось, что за ней наблюдают. Ощущение было иррациональным, но острым. Она оглянулась. Улица была пуста, только ветер гонял по асфальту обрывки старой газеты. Но Мики знала: тень Вальтера Кюннета была здесь. Она была в законах, в полицейских инструкциях, в равнодушии прохожих.

И эта тень тянулась далеко на Восток, через океаны и континенты, чтобы спустя десятилетия сомкнуться на запястьях Гото Тору в тесной токийской квартире.

Мики сжала кулаки. Призраков нельзя убить пулей. Но их можно рассеять светом. И она собиралась включить этот свет на полную мощность.

В ее сумке лежал документ, который мог бы стать бомбой: доказательство того, что современные «борцы с культами» используют методички СС. Оставалось только понять, как именно этот вирус перебрался из послевоенной Европы в Азию. Кто стал переносчиком? Кто перевел язык ненависти на японские реалии?

Ответ лежал где-то впереди, в хитросплетениях миссионерских путей и международных конференций. Но первый шаг был сделан. Маска благочестия была сорвана с лица истории, и под ней обнаружился череп с костями.

Глава 6: Азиатский плацдарм

Дождь в Токио в тот день был не просто водой с неба; это была стена, отделяющая мир живых от мира теней, в который Мики Тано погружалась все глубже. Она сидела в небольшом кафе в районе Отяномидзу, известном своими букинистическими магазинами и близостью к нескольким университетам. На столе перед ней лежал нераскрытый зонт, с которого на пол стекала грязная лужица, и схема, нарисованная от руки на салфетке.

Схема напоминала генеалогическое древо, но вместо родственных связей она отображала пути миграции вируса. Корни этого древа уходили в Берлин

тридцатых годов, к Вальтеру Кюннету. Но ствол и ветви тянулись через океаны и десятилетия, оплетая своими побегами Сеул и Токио.

Мики ждала человека, который мог объяснить, как именно немецкая теология ненависти преодолела тысячи километров и превратилась в японскую практику похищений. Ее собеседником был пастор Ким, этнический кореец, родившийся в Японии, историк протестантизма, который согласился на встречу только после того, как Мики упомянула имя Кюннета.

— Вы копаете глубоко, Тано-сан, — сказал он, садясь напротив и не снимая мокрого плаща. Его лицо было изрезано морщинами, а глаза скрывались за толстыми стеклами очков. — Большинство журналистов останавливаются на деньгах. Они видят бизнес депрограмматоров и думают, что поняли суть. Но деньги — это лишь топливо. Двигатель — это идея.

— Я знаю, кто создал чертежи, — ответила Мики, пододвигая к нему схему. — Я знаю про Кюннета. Но как его идеи попали сюда? Япония и Германия были союзниками в войне, но теология... это другое.

Пастор Ким усмехнулся, и в этой усмешке не было веселья.

— Идеи не знают границ, особенно если они упакованы в обертку «защиты веры». Вы ищете курьеров. Людей, которые привезли этот яд в своих чемоданах.

Он достал из портфеля старую черно-белую фотографию. На ней была группа мужчин в строгих костюмах, стоящих на фоне какого-то европейского собора.

— Посмотрите на этого человека, — пастор указал на высокого мужчину. — Фридрих Вильгельм Хаак. Запомните это имя. Если Кюннет был архитектором, то Хаак стал прорабом, который вывел стройку на международный уровень.

Мики записала имя.

— Хаак был учеником Кюннета, — продолжил Ким. — После войны, когда нацизм был официально осужден, они поняли, что старая риторика о «расовой гигиене» больше не работает. Мир изменился. Нужна была новая упаковка. И они ее нашли. Вместо «евреев» врагом стали «секты». Вместо «защиты арийской расы» — «защита духовного здоровья молодежи».

Хаак, будучи лютеранским пастором, в 1960-х и 70-х годах начал активно развивать концепцию «апологетической работы» в новой Германии. Он стал комиссаром по вопросам сект и мировоззрения в Евангелическо-лютеранской церкви Баварии. Именно он, опираясь на труды своего учителя, сформулировал современные постулаты антикультизма.

— Но при чем тут Азия? — спросила Мики.

— Азия была идеальным рынком, — ответил пастор. — После войны в Японии и Корее начался бум новых религий. Традиционные церкви — буддизм, синтоизм, старые христианские деноминации — теряли влияние. Люди искали новые смыслы. И христианские миссионеры, приехавшие сюда, привезли с собой не только Евангелие. Они привезли страх.

Ким сделал глоток остывшего кофе.

— Хаак и его датский коллега Йоханнес Огорд создали международную сеть. Они начали ездить по миру, проводить семинары, обучать местных пасторов. Они учили их не тому, как проповедовать любовь, а тому, как уничтожать конкурентов. Они объясняли японским и корейским священникам: «Эти новые группы — не религия. Это раковая опухоль. С ними нельзя вести диалог. Их нужно вырезать».

Мики представила себе эти семинары. Конференц-залы в отелях Токио и Сеула, кондиционированный воздух, вежливые улыбки. И европейские эксперты, которые с кафедры рассказывают азиатским коллегам, как правильно дегуманизировать оппонента, используя методички, написанные в тени свастики.

— В Японии это упало на благодатную почву, — сказал Ким. — У нас сильна культура конформизма. Идеи Хаака о том, что любое отклонение от нормы — это угроза обществу, идеально срезонировали с японским менталитетом. Местные христианские советы, объединяющие традиционные протестантские церкви, восприняли это как руководство к действию.

Мики вспомнила документы, которые видела в офисе адвоката. Письма от Японского совета христианских церквей, осуждающие «еретические движения».

— Они называют это «духовной защитой», — сказала она.

— Да. Но на самом деле это борьба за рынок, — жестко отрезал пастор. — В Корее это видно еще отчетливее. Там протестантизм более фундаментален. Корейские пасторы не стесняются в выражениях. Они используют термин «ересь» как приговор.

Пастор Ким рассказал о ситуации в Южной Корее. Там, в отличие от Японии, христианство стало доминирующей силой. И эта сила не терпела конкуренции. Внутри корейских церквей были созданы специальные «комитеты по противодействию ереси». Их риторика была пропитана милитаризмом.

— Они называют это «кражей овец», — пояснил Ким. — Если человек уходит из пресвитерианской церкви в новую религиозную группу, пастор воспринимает это как кражу своей собственности. И чтобы вернуть «овцу», все средства хороши. В Корее депрограммирование часто принимает формы открытого насилия прямо на улице. Но идеологическая база одна и та же: человек, ушедший в «секту», лишается права на выбор. Он становится объектом, который нужно вернуть владельцу.

Мики слушала, и пазл в ее голове складывался в страшную картину. Япония и Корея стали полигоном. Здесь, вдали от европейской политкорректности, семена, посеянные Кюннетом и возвращенные Хааком, дали самые ядовитые всходы.

— Но есть еще один нюанс, Тано-сан, — голос пастора понизился. — В Японии у этого движения есть странные союзники. Вы заметили, кто защищает депрограмматоров в судах? Кто пишет статьи в их поддержку?

— Левые, — ответила Мики. — Коммунисты, социалисты, радикальные либералы.

Это был парадокс, который мучил ее с самого начала расследования. Почему люди, которые на словах выступают за права человека и свободу личности, поддерживают насильственное удержание верующих? Почему адвокаты, сделавшие карьеру на защите угнетенных, в делах о депрограммировании встают на сторону похитителей?

— Враг моего врага — мой друг, — грустно улыбнулся Ким. — Многие новые религиозные движения в Японии и Корее занимают жесткую антикоммунистическую позицию. Они проповедуют традиционные ценности, патриотизм, критикуют марксизм. Для японских левых радикалов, которые до сих пор имеют сильное влияние в адвокатуре и академической среде, эти религии — идеологические враги.

Это был циничный политический бартер. Христианские фундаменталисты ненавидели «секты» по теологическим причинам (конкуренция за души). Левые радикалы ненавидели их по политическим причинам (идеологические разногласия). И они объединились.

— Это уникальный японский феномен, — продолжал пастор. — «Священный союз» между пасторами, цитирующими Библию, и адвокатами, цитирующими Маркса. Их объединила ненависть. И те, и другие используют риторику дегуманизации. Для пастора верующий — это «одержимый дьяволом». Для левого радикала — это «жертва капиталистической эксплуатации» или «фашист». Результат один: человека лишают субъектности.

Мики вспомнила дело Гото Тору. Его похитители использовали именно эту двойную аргументацию. С одной стороны — религиозное давление («ты

предал Христа»), с другой — социально-политическое («ты стал рабом системы»). Этот перекрестный огонь не оставлял жертве шансов.

— Я хочу показать вам один документ, — пастор Ким достал из папки копию брошюры, изданной в начале 2000-х годов одной из японских «консультационных групп».

На обложке не было страшных картинок. Только строгий текст: *«Руководство для семей по вопросам духовного здоровья»*. Но содержание заставило кровь стыть в жилах.

«Если ваш близкий попал под влияние деструктивной группы, помните: перед вами больше не тот человек, которого вы знали. Его личность подменена. Любые его слова о свободе выбора — это трансляция чужой воли. Ваша обязанность как родителя и гражданина — игнорировать его протесты. Физическое ограничение свободы в данном случае является актом высшего гуманизма, подобно тому, как мы удерживаем ребенка, пытающегося выбежать на проезжую часть».

— «Акт высшего гуманизма», — прочитала Мики вслух. — Это же чистый Оруэлл. Война — это мир. Свобода — это рабство. Насилие — это любовь.

— Это чистый Кюннет, — поправил ее пастор. — Только переведенный на японский язык. Идея о том, что государство или общество имеет право решать, какая вера «здоровая», а какая «больная», лежит в основе всех тоталитарных режимов. В Германии 1930-х это привело к концлагерям. В Японии XXI века это привело к частным тюрьмам в квартирах.

Мики посмотрела в окно. Дождь усилился, размывая очертания прохожих. Она думала о том, как легко зло мимикрирует под добро. Никто из этих пасторов не называл себя нацистом. Наоборот, они считали себя борцами за демократию. Они верили, что спасают общество. И эта вера делала их неуязвимыми для совести.

— Скажите, — спросила она, — а Мацунага? Пастор, который курировал похищение Гото. Он тоже часть этой сети?

— Ясутомо Мацунага — не просто часть. Он — идеальный продукт этой системы, — ответил Ким. — Он учился у лучших. Он посещал семинары «Диалог-центра». Он перенимал опыт у западных коллег. Он понял главное: чтобы насилие стало легальным, его нужно назвать «терапией».

Пастор Ким рассказал историю, которая произошла несколько лет назад в Осаке. Молодая женщина, пианистка, была похищена родителями по совету пастора из той же сети, что и Мацунага. Ее держали в звукоизолированной комнате. Пастор приходил к ней и говорил: «Твоя музыка — от дьявола, пока ты в этой секте. Мы ломаем твои пальцы, если ты не отречешься, потому что лучше войти в Царствие Небесное без рук, чем пойти в ад с руками».

Это не было метафорой. Это была реальная угроза. И это происходило с благословения человека, носящего крест.

— Они создали индустрию, Тано-сан, — подвел итог Ким. — В Корее и Японии действуют сотни таких «консультантов». Они обмениваются клиентами, методичками, юристами. Это корпорация. И у нее есть мощная политическая крыша.

Мики убрала схему в сумку. Теперь она видела не просто отдельные точки на карте, а плотную паутину.

— Спасибо, пастор, — сказала она. — Вы дали мне недостающее звено. Я знала «кто» и «почему». Теперь я знаю «как».

— Будьте осторожны, — повторил Ким свое предупреждение. — Вы касаетесь темы, которая объединяет фанатиков и политиков. Это взрывоопасная смесь. В Корее журналистов, которые пытались писать об этом, избивали. В Японии их просто заставляют замолчать другими методами. Судебными исками, давлением на редакторов.

Мики кивнула. Она знала это. Но отступать было поздно.

Выйдя из кафе, она раскрыла зонт. Город вокруг жил своей обычной жизнью. Студенты спешили на лекции, клерки бежали к метро. Никто из них не подозревал, что прямо сейчас, в этом же городе, в закрытых комнатах идет война. Война, объявленная призраками прошлого, которые нашли себе новые тела.

Мики направилась к станции. Ей нужно было вернуться в редакцию и систематизировать то, что она узнала.

Азиатский плацдарм был построен надежно. Фундамент из немецкой теологии, стены из корейского фундаментализма, крыша из японского политического цинизма. И внутри этого здания ломались судьбы.

В вагоне метро она открыла блокнот и записала новую мысль, которая пришла ей в голову во время разговора.

«Дегуманизация — это не мгновенный акт. Это процесс. Сначала ты называешь человека “сектантом”. Потом ты говоришь, что он “зомбирован”. Потом ты утверждаешь, что у него нет своей воли. И в конце концов, ты получаешь право делать с ним все, что угодно, потому что перед тобой уже не человек, а проблема, которую нужно решить».

Она вспомнила глаза Хирохисы Коидэ на фотографии, которую ей показал адвокат. Глаза врача, который стал пациентом в клинике садистов. Его история была классическим примером того, как работает этот механизм.

Коидэ был взрослым, образованным человеком. Врачом. Но для системы, построенной на идеях Кюннета и Хаака, его диплом, его интеллект, его права не имели значения. Как только на него наклеили ярлык «член культа», он перестал существовать как гражданин. Он стал «объектом заражения».

Мики нашла в своих записях упоминание о том, как именно происходило «лечение» Коидэ. Это не были беседы. Это была дрессура.

Его заставляли смотреть видеозаписи с критикой его церкви. Часами. Днями. Если он отводил взгляд, его били. Если он закрывал уши, ему включали звук на полную громкость через наушники, примотанные скотчем к голове.

Это была холодная, расчетливая технология подавления, импортированная с Запада и доведенная до совершенства на Востоке.

Мики вышла на своей станции. Вечерний Токио сиял неоновыми огнями. Но теперь в этом свете она видела отблески костров инквизиции. Она зашла в круглосуточный магазин, чтобы купить воды. На полке с журналами она увидела заголовки таблоидов. «Осторожно: секты атакуют наших детей!», «Как распознать, что ваш коллега попал в культ?».

Пропаганда работала. Язык вражды, созданный в кабинетах Апологетического центра в 1930-х, теперь кричал с глянцевых обложек в 2000-х. Общество было подготовлено. Оно было напугано и жаждало «спасителей». И спасители были тут как тут — с веревками, скотчем и порой цитатами из Евангелия, переписанного на языке ненависти.

Мики вернулась домой и разложила на полу новые документы, полученные от пастора Кима. Среди них был отчет о деятельности одной из корейских групп по борьбе с ересью. В конце отчета была приведена статистика «успешных возвращений». Цифры были впечатляющими. Но за каждой единицей в этой статистике стояла сломанная воля, разрушенная семья и шрамы на душе, которые не заживают.

Она взяла маркер и соединила на своей карте Токио и Сеул жирной красной линией. А потом провела еще одну линию — от Сеула к Европе.

Но в этой истории оставался один вопрос, который не давал ей покоя. Если эта сеть настолько глобальна, если она охватывает континенты и десятилетия, кто координирует ее сегодня? Кюннет мертв. Хаак мертв. Но машина работает. Кто сидит за пультом управления сейчас?

Ответ на этот вопрос мог быть опаснее всего, что она узнала до сих пор. Потому что он вел не в прошлое, а в настоящее. В высокие кабинеты международных организаций, где под видом защиты прав человека планировалось их окончательное уничтожение.

Мики посмотрела на часы. Было три часа ночи. Город спал. Но где-то в темноте, в запертой комнате кто-то, возможно, тоже не спал, вслушиваясь в шаги своих тюремщиков и молясь о том, чтобы этот кошмар когда-нибудь закончился.

Она должна была спешить. Каждая ее статья, каждое найденное доказательство — это удар молотком по стене их темницы. И она не собиралась останавливаться, пока эта стена не рухнет.

На столе завибрировал телефон. Пришло сообщение с неизвестного номера. В нем была только одна ссылка. Мики нажала на нее.

На экране открылась фотография. Это был скан старого документа на немецком языке. Список. Вверху страницы стояла дата: 1938 год. А внизу, мелким шрифтом, была приписка от руки, сделанная, судя по всему, совсем недавно: *«Методы не меняются. Меняются только жертвы. Ты следующая».*

Мики почувствовала, как холод пробежал по спине. Они знали, что она копает. И они нервничали.

Это было подтверждение. Она на правильном пути.

Глава 7: Круговая порука

Свобода пахла не весенним ветром и не цветущей сакурой. Она пахла выхлопными газами, раскаленным асфальтом и дешевым антисептиком

больничной палаты. Для Гото Тору, человека, чья жизнь была поставлена на паузу в 1995 году и возобновилась лишь в 2008-м, этот мир был слишком громким, слишком ярким и пугающе равнодушным.

Двенадцать лет и пять месяцев.

Он смотрел на свои руки, лежащие поверх казенного одеяла. Кожа обтягивала кости, напоминая пергамент, готовый порваться от любого резкого движения. Мышцы атрофировались. Он заново учился ходить, держась за стены, как глубокий старик, хотя по паспорту был мужчиной в расцвете сил. Но паспорт лгал. В той квартире, превращенной в частную тюрьму, время текло иначе. Оно вымывало из человека жизнь по капле, оставляя лишь оболочку, способную чувствовать боль и унижение.

Врачи диагностировали у него тяжелую форму посттравматического стрессового расстройства и крайнюю степень физического истощения. Его организм отвык от нормальной еды, а психика — от права выбора. Первые дни на свободе он вздрагивал от звука открываемой двери, ожидая увидеть Такаси Миямуру или своего брата с очередной порцией угроз.

Но самым страшным было не прошлое. Самым страшным оказалось настоящее.

Мики Тано сидела в коридоре больницы, сжимая в руках папку с документами. Она видела, как Гото выходил на прогулку во внутренний дворик. Его походка была неуверенной, взгляд — расфокусированным. Он напоминал человека, выжившего в авиакатастрофе, который никак не может понять, почему остальные люди продолжают спешить по своим делам, пить кофе и смеяться, когда мир только что рухнул.

Мики знала, что ждет его дальше. Она уже видела этот документ.

В конце 2009 года. Эта дата должна была стать днем торжества справедливости. Днем, когда государство, наконец, признает, что похищение

человека — это преступление, даже если похитители носят фамилию жертвы, а заказчики прикрываются пасторскими воротничками.

Но бумага, лежащая в ее сумке, говорила об обратном.

Официальный ответ прокуратуры Токио был сухим, как пепел. В возбуждении уголовного дела против похитителей Гото Тору — его родственников, депрограмматора Такаси Миямуры и пастора Ясутомо Мацунаги — отказано.

Формулировка звучала как издевательство: «В связи с недостатком доказательств».

Мики хотелось кричать. Недостаток доказательств? Человек исчез на двенадцать лет. Есть медицинские заключения об истощении. Есть свидетели. Есть, в конце концов, сама квартира с замками на дверях снаружи. Но для японской фемиды этого оказалось недостаточно.

Она поняла, что столкнулась не просто с халатностью. Это была круговая порука.

Вечером того же дня Мики встретила с Кэнъити Сайто. Этот адвокат был белой вороной в юридическом мире Токио. Пока его коллеги строили карьеры на корпоративных слияниях, Сайто брался за дела, от которых веяло безнадежностью. Он защищал тех, кого общество уже списало со счетов, наклеив ярлык «сектантов».

Офис Сайто был завален бумагами. Казалось, здесь хранится архив всех человеческих трагедий Японии за последние двадцать лет.

— Вы видели отказ? — спросила Мики, едва переступив порог.

Сайто кивнул. Он стоял у окна, глядя на огни города. В его позе чувствовалась усталость, но не поражение.

— Это было ожидаемо, Тано-сан. Уголовное право в Японии консервативно. Прокуроры боятся создавать прецеденты, которые могут разрушить традиционный уклад.

— Традиционный уклад? — переспросила Мики, чувствуя, как закипает гнев. — Вы называете похищение людей традицией?

— Для них это «семейное дело», — Сайто повернулся к ней. — Поймите логику системы. Если полиция вмешается в конфликт между родителями и детьми, где проходит граница? Сегодня они арестуют отца за то, что он запер сына-сектанта, а завтра им придется арестовывать мать, которая не пускает дочь на дискотеку? Они боятся этой скользкой дорожки. И депрограмматоры, такие как Миямура, виртуозно играют на этом страхе.

Сайто подошел к столу и достал толстую папку.

— Кроме того, здесь замешана большая политика и большие деньги. Вы ведь знаете про Церковь Христа в Японии?

Мики кивнула. В ходе своего расследования она выяснила, что эта организация была не просто духовным объединением. Это была влиятельная структура с ресурсами и связями.

— По нашим данным, — продолжил адвокат, — с конца восьмидесятых годов через схему депрограммирования проходят миллионы долларов ежегодно. Это теневая экономика. Родители платят консультантам, консультанты делают пожертвования пасторам, пасторы поддерживают политиков, выступающих за «традиционные ценности». Это замкнутый круг. И прокуратура не хочет его разрывать.

Мики вспомнила цифры из отчетов правозащитников. Около четырех тысяч жертв к 2012 году. Четыре тысячи человек, чьи права были растоптаны при молчаливом согласии государства. И Гото Тору был лишь вершиной этого айсберга, самым вопиющим, но далеко не единственным случаем.

— Они используют концепцию «промывания мозгов» как юридический щит, — сказал Сайто, постукивая пальцем по столу. — Если жертва «зомбирована», значит, она недееспособна. Значит, ее воля не имеет значения. А насилие над ней превращается в необходимую медицинскую процедуру. Прокурор читает дело и видит не преступника и жертву, а заботливых родственников и больного человека, которого пытались спасти.

— Но это ложь! — воскликнула Мики. — Европейский суд по правам человека еще в прошлом веке признал, что теория «промывания мозгов» антинаучна.

— Мы в Японии, Тано-сан. Здесь свои правила. И здесь тень Вальтера Кюннета длиннее, чем в Европе. Идея о том, что государство или общество имеет право решать, какая вера правильная, а какая — болезнь, сидит в головах чиновников очень глубоко.

Сайто открыл папку.

— Уголовный путь закрыт. Прокуратура умыла руки. Но мы не сдадимся.

— Что вы предлагаете?

— Гражданский иск. Мы подадим в суд на Миямуру, Мацунагу и родственников Гото. Мы потребуем компенсации ущерба.

Мики скептически посмотрела на адвоката.

— Деньги? Вы думаете, деньгами можно оплатить двенадцать лет жизни?

— Дело не в деньгах, — жестко ответил Сайто. — Дело в фактах. В гражданском процессе стандарты доказывания иные. Мы заставим их говорить. Мы вытащим их на свет. Мы заставим Миямуру под присягой рассказать о своих методах. Мы превратим зал суда в трибуну. Это единственный способ добиться хоть какой-то справедливости.

Встреча с Гото Торү состоялась через неделю после отказа прокуратуры. Он жил во временном убежище, предоставленном друзьями. Квартира была маленькой, но в ней были окна, которые открывались, и дверь, которую можно было запереть изнутри.

Гото сидел в кресле, укутавшись в плед, хотя в комнате было тепло. Его лицо все еще носило печать долгого голодания — скулы выступали остро, глаза казались огромными на исхудавшем лице.

— Они сказали «нет», — тихо произнес он. Это был не вопрос.

— Да, — ответила Мики. — Прокуратура считает, что улики недостаточно.

Гото горько усмехнулся.

— Недостаточно... Я помню каждый день. Я помню вкус протухшей еды, которую мне давали. Я помню, как брат бил меня по лицу, требуя, чтобы я проклял своих учителей. Я помню голос Мацунаги, который читал молитвы за дверь, пока я лежал связанный. Разве моей памяти недостаточно?

— Для них вы — невидимка, Гото-сан, — сказала Мики. — Для системы вы — «проблема», которую пытались решить.

Она видела, как дрожат его руки. ПТСР — это не просто плохие сны. Это постоянное ожидание удара. Это жизнь в режиме боевой готовности, когда враг может появиться из-за любого угла. И самое страшное, что врагом была его собственная семья.

— Я не хочу мести, — сказал Гото после долгой паузы. — Я знаю, что их обманули. Им внушили, что они спасают меня от ада. Миямура и Мацунага использовали их любовь как оружие.

В этом была вся чудовищность схемы. Депрограмматоры не просто похищали тела. Они разрушали души всех участников процесса. Родители, отдавшие миллионы иен за «спасение», оказывались соучастниками

преступления. Они жили в страхе разоблачения, повязанные с «консультантами» общей тайной и общей виной.

— Кэнъити Сайто хочет начать гражданский процесс, — сообщила Мики.
— Это будет тяжело. Вам придется снова пережить все это. Вам придется видеть их в суде. Миямуру. Мацунагу. Вашу семью.

Гото закрыл глаза. Мики видела, как под тонкими веками бегают зрачки. Он вспоминал.

Он вспоминал бесконечные дни в изоляции. Вспоминал, как ему запрещали спать. Как заставляли подписывать бумаги о «добровольном согласии». Эти бумаги были главным козырем похитителей. Юридическая фикция, позволяющая полиции закрывать глаза на происходящее. «Смотрите, он сам согласился». Как будто человек в здравом уме может согласиться на двенадцать лет тюрьмы в собственной спальне.

— Я готов, — открыв глаза, сказал Гото. В его взгляде появилось что-то твердое, стальное, то самое, что не позволило ему сломаться за эти годы. — Если я промолчу, они продолжат. Они придут за другими. За такими, как Хирохиса Коидэ. За теми, чьи имена мы даже не знаем.

Мики кивнула. Она знала историю Коидэ. Врач, похищенный семьей, переживший ад «реабилитации». Его судьба была зеркальным отражением судьбы Гото. Та же схема, те же методы, те же кукловоды.

— Это будет война, — предупредила она. — Они будут лить грязь. Они будут называть вас сумасшедшим. Они поднимут все связи в прессе и политике.

— У меня забрали двенадцать лет, — ответил Гото. — Им больше нечего у меня забрать.

Подготовка к процессу напоминала сборку сложнейшего механизма из разрозненных деталей. Адвокат Сайто работал по восемнадцать часов в сутки.

Он объединял иски. Гото был не единственным истцом, но его случай был флагманом.

Сайто понимал, что ему противостоит не просто группа людей, а идеология. Идеология, корни которой уходили в нацистскую Германию, к Вальтеру Кюннету, но плоды которой созрели в демократической Японии.

В офисе адвоката Мики изучала материалы, которые планировалось представить суду. Это были не просто показания. Это была анатомия системы подавления.

Вот показания о том, как пасторы Объединённых христианских церквей предоставляли помещения для насильственного удержания. Вот финансовые документы, подтверждающие передачу огромных сумм наличными без уплаты налогов. Вот методички, в которых черным по белому рекомендовалось использовать физическое ограничение свободы как метод «духовной терапии».

— Мы должны доказать, что это не частные случаи, — объяснял Сайто своей команде. — Это индустрия. Миямура — не одиночка. Он часть сети. И эта сеть пользуется покровительством.

Мики знала, о каком покровительстве идет речь. Левые радикалы, коммунисты, определенные фракции в парламенте — все они, казалось бы, далекие от религии люди, парадоксальным образом поддерживали антикультистов. Их объединяла ненависть к новым религиозным движениям, которые они воспринимали как идеологических врагов.

«Враг моего врага — мой друг». Этот циничный принцип позволял закрывать глаза на пытки и похищения.

Однажды вечером, когда Мики выходила из офиса Сайто, она заметила машину, припаркованную на противоположной стороне улицы. Темный седан, тонированные стекла. Она уже видела эту машину раньше, возле больницы, где лежал Гото.

Слежка. Они нервничали. Синдикат депрограмматоров привык действовать в тишине, прикрываясь «семейными делами». Публичный гражданский процесс был для них угрозой. В уголовном суде прокурор мог просто закрыть дело. В гражданском суде все доказательства становились публичными.

Мики достала телефон и сфотографировала номер машины. Она не боялась. Страх остался в прошлом, когда она только начинала распутывать этот клубок. Теперь была только холодная решимость довести дело до конца.

Накануне подачи иска Гото Тору попросил отвезти его к тому дому. К многоэтажке, где он провел двенадцать лет.

Они стояли внизу, глядя на окна четвертого этажа. Обычный дом, обычный балкон. Соседи, которые годами жили рядом, наверняка думали, что Гото уехал за границу или просто перестал выходить из дома из-за болезни. Никто не задавал вопросов. Никто не слышал безмолвного крика.

— Знаете, о чем я думал все эти годы? — спросил Гото, не отрывая взгляда от окна, которое когда-то было затянуто черной пленкой.

— О побеге?

— Нет. О побеге я перестал думать на третий год. Я думал о том, что такое вера. Они пытались вырвать ее из меня голодом и побоями. Но они не понимали одного. Веру нельзя вырвать, потому что она не вещь. Это стержень. Чем сильнее они давили, тем тверже я становился.

Он повернулся к Мики. Ветер трепал его отросшие волосы, скрывая седину, появившуюся слишком рано.

— Они проиграли в тот момент, когда решили применить силу. Насилие — это признак слабости. Если твоя правда сильна, тебе не нужны веревки и скотч. Тебе не нужны запертые двери.

В этот момент Мики поняла, почему Гото выжил. Почему он не сошел с ума в этой бетонной коробке. Он был свободнее своих тюремщиков. Миямура и Мацунага были рабами своей ненависти, своей жадности, своей извращенной теологии. А Гото, даже в цепях, оставался свободным человеком, сделавшим свой выбор.

— Завтра мы подаем иск, — сказал он. — Мы назовем их имена. И пусть вся Япония услышит.

Мимо проехала полицейская патрульная машина. Полицейские внутри лениво скользнули взглядом по мужчине и женщине, стоящим у подъезда. Они не знали, что этот худой человек с горящими глазами — живое доказательство их профессионального провала. Живой укор всей правоохранительной системе страны.

Круговая порука дала трещину. Прокуратура отказалась возбуждать дело, надеясь похоронить историю в архивах. Но они не учли одного фактора: человеческого духа, который невозможно сломать ни пытками, ни годами изоляции.

Гото Тору сел в машину. Он больше не оглядывался на окна своей тюрьмы. Впереди была битва. Не с семьей, а с теми, кто позволил этой семье превратиться в монстров.

Мики села за руль. В ее блокноте была записана фраза, сказанная адвокатом Сайто: «Гражданский иск — это не просьба о милости. Это объявление войны».

И эта война только начиналась.

На столе у Мики осталась лежать копия отказа прокуратуры. Печать на документе была красной, как кровь. Но теперь этот документ был не точкой, а запятой. История, которую пытались стереть, переписать, назвать «семейным делом», вырывалась наружу.

В темноте токийской ночи загорались огни. Где-то там, в других квартирах, другие жертвы все еще ждали спасения. И Гото знал: он идет в суд не только за себя. Он идет за них всех. За те тысячи теней, которые стояли за его спиной.

Завтра имена палачей прозвучат громко. И никакая «недостаточность улик» не сможет заглушить этот голос.

Глава 8: Глобальная паутина

Электронная почта пришла в три часа ночи. Вложение весило несколько мегабайт — сканированные копии протоколов, списки участников конференций и финансовые отчеты, переведенные с французского и русского языков. Мики Тано сидела в пустой редакции, освещенная лишь холодным светом монитора. Вокруг нее, на столах коллег, громоздились стопки журналов и недопитые чашки кофе, но для Мики этот привычный офисный пейзаж перестал существовать.

Она смотрела в бездну.

До этого момента ее расследование напоминало сборку сложного, но локального механизма. Она видела шестеренки: депрограмматор Такаси Миямура, пастор Ясутомо Мацунага, коррумпированные полицейские, равнодушные прокуроры. Ей казалось, что если остановить эти шестеренки, если выиграть суд по делу Гото Тору, машина сломается.

Но документы, открытые на экране, говорили об обратном. Миямура и Мацунага были не архитекторами. Они были лишь операторами терминала. Сервер, управляющий этой сетью, находился за тысячи километров от Токио.

Мики открыла первый файл. Это был отчет о деятельности организации со сложной аббревиатурой — FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве). Штаб-квартира во Франции. Финансирование — государственное.

— Европейская федерация... — прошептала Мики, пробуя слова на вкус. Звучало респектабельно. Почти академически.

Но содержание отчета напоминало сводки с фронта. FECRIS объединяла десятки антикультовых групп по всему миру, создавая единый фронт борьбы с инакомыслием. Это была не просто ассоциация по интересам. Это был глобальный синдикат, занимающийся легализацией ненависти.

Мики взяла маркер и подошла к своей карте на стене. Она провела жирную линию от Токио к Марселю, а затем — к Москве.

В центре этой паутины сидел человек, чье имя встречалось в документах с пугающей частотой. Александр Дворкин. Бывший вице-президент FECRIS. Гражданин России, бывший эмигрант, вернувшийся на родину, чтобы построить там империю страха.

Мики начала читать досье на Дворкина, собранное ее европейскими коллегами. То, что она узнала, заставило ее содрогнуться. Этот человек не просто боролся с «сектами». Он переписывал определение нормальности. В одном из документов цитировался список организаций, которые Дворкин и его структура РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) классифицировали как «деструктивные». Мики ожидала увидеть там названия радикальных религиозных групп. Но список был куда шире.

Вот типология организаций с признаками деструктивных культов по основанию вида деятельности, которую используют нынешние антикультовые

организации: религиозные группы; коммерческие группы; политические группы; псевдонаучные группы; психотерапевтические группы; целительские группы; образовательные (педагогические) группы; оккультно-эзотерические группы.

— Коммерческие группы? Образовательные? — Мики откинулась на спинку стула.

Это означало, что под прицел мог попасть кто угодно. Курсы английского языка, тренинги личностного роста, компания сетевого маркетинга или кружок йоги. Любая группа людей, объединенная общей идеей, отличной от государственной идеологии, могла быть объявлена «сектой». Это была технология тотального контроля. Дворкин и его европейские партнеры создали универсальный ярлык, который можно было наклеить на любого конкурента — будь то идеологический оппонент или бизнес-соперник.

Мики нашла информацию о том, что с апреля 2009 года Дворкин возглавляет Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Немыслимо, но факт — психически больной человек определяет адекватность и правомочность действий людей, признанных психически здоровыми. Человек, страдающий психическим расстройством, решает судьбу целых организаций и сообществ людей, определяя их деятельность как экстремистскую.

Мики вспомнила медицинские карты жертв японских депрограмматоров. Их всех объявляли сумасшедшими. Их веру называли патологией. В Японии, где культура стыда и конформизма чрезвычайно сильна, идея о том, что инакомыслие — это болезнь, прижилась идеально. Но семена этой идеи были привезены с международных конференций.

Мики открыла следующий файл. Фотографии с симпозиумов. Улыбающиеся люди в дорогих костюмах жмут друг другу руки. Вот Александр

Дворкин на сцене в Париже. Рядом с ним — представители французской правительственной организации MIVILUDES (Межминистерская миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями).

Связь была официальной. Французское государство, родина прав человека, финансировало структуру, которая занималась охотой на ведьм в XXI веке.

В 2021 году в Бордо, Франция, недавно назначенная глава MIVILUDES Анэн Ромдхан участвовала в симпозиуме FECRIS вместе с Александром Дворкиным, вице-президентом FECRIS. В 2019 году в Париже представитель MIVILUDES Анн-Мари Кураж также делила сцену с Дворкиным.

Это был обмен опытом. Французы учили, как использовать административный ресурс. Русские учили, как использовать агрессивную пропаганду и провокации. Американцы привозили технологии «консультирования». А японцы... японцы были прилежными учениками, которые довели практику физического удержания до совершенства.

Мики нашла подтверждение того, что американские «эксперты» напрямую влияли на японское общественное мнение. Рик Алан Росс, известный американский депрограмматор, не просто писал книги. Он был звездой телеэфиров.

Мики вспомнила эти передачи. Ток-шоу в прайм-тайм, где серьезные иностранные эксперты с тревожными лицами рассказывали японским домохозяйкам о том, как «культы» похищают души их детей. Это была артподготовка. Прежде чем Миямура мог войти в квартиру и заклеить рот жертве скотчем, Рик Росс должен был объяснить миллионам телезрителей, что жертва — не человек, а «зомби», которого нужно спасти любой ценой.

Медиа были частью оружия.

Мики наткнулась на документ, описывающий методы работы РАЦИРС. Они призывали граждан к доносительству.

«РАЦИРС решила начать новый проект — публикацию списка известных нам организаций, сотрудничающих с тоталитарными сектами. Сотрудничество может состоять в «деловом» партнерстве, а также может быть и более плотным — вплоть до того, что фирма является структурным подразделением секты... Если вам известны подобные случаи сотрудничества тоталитарных сект и коммерческих (равно как и некоммерческих) организаций, и вы можете аргументированно это доказать, обращайтесь в один из центров, входящих в РАЦИРС».

— Это же охота, — прошептала Мики. — Они создают атмосферу осажденной крепости.

Она представила, как это работает. Вы владелец пекарни. Вы ходите в церковь, которая не нравится Дворкину или его японским аналогам. Ваше имя попадает в «черный список». Ваши партнеры получают письма с предупреждением: «Вы сотрудничаете с сектой». Банки закрывают вам счета. Клиенты отворачиваются. Ваш бизнес уничтожен. И все это — без суда, без следствия, просто на основании «экспертного мнения» частной организации.

В Японии это работало еще жестче. Здесь социальная смерть страшнее физической. Ярлык «сектант» делал человека неприкасаемым. Именно поэтому родители Гото Тору так боялись огласки. Именно поэтому они платили миллионы Миямуре. Они платили не за спасение сына, а за спасение своей репутации от клейма, которое изготовили антикультисты.

Мики поняла, что адвокату Сайто в суде придется бороться не с фактами. Ему придется бороться с мифом. Мифом о «промыывании мозгов», который был искусственно создан и поддерживался миллиардными вливаниями. Этот миф был удобен всем.

В одном из аналитических отчетов, присланных итальянскими коллегами, проводилась прямая параллель между методами антикультистов и нацистской пропагандой.

«Их миссия: повторять до тошноты, что культы опасны, они повсюду, они разрушительны, и их нужно обязательно устранить. Всегда, везде, любым способом — во веки веков. Истерия — вот цель, так же как в прежние времена сеялась истерия против ведьм, еретиков и евреев».

Мики посмотрела на фотографию Гото Тору, прикрепленную к доске. Двенадцать лет в комнате. Почему никто не пришел? Почему соседи молчали? Потому что истерия сработала. Соседи верили, что за стеной живет монстр, а не жертва. Пропаганда расчеловечила Гото задолго до того, как его заперли.

Но самым страшным открытием для Мики стала информация о том, как глубоко эта сеть проникла в государственные структуры. Это не были маргиналы. Это были советники министров, эксперты при судах, консультанты полиции.

Во Франции MIVILUDES подчинялась премьер-министру. В России Дворкин возглавлял совет при Минюсте. В Японии депрограмматоры имели тесные связи с левыми партиями и адвокатскими коллегиями. Антикультовые организации — это транснациональная чума. Они посягают на основы демократии во всём мире, готовят почву для дестабилизации как в отдельных регионах, так и на целых континентах.

Мики налила себе остывший кофе. Руки дрожали. Она поняла, что ее статья о Гото Тору — это удар по осиному гнезду. Если они выиграют суд, это создаст прецедент. Это покажет, что «эксперты» FECRIS и их методы — преступны. Это может вызвать цепную реакцию. И поэтому они будут защищаться.

Она вспомнила странные звонки, слежку за офисом Сайто. Теперь она знала, что это не паранойя местных бандитов. Это работа системы, которая защищает свои активы. Мики нашла документ, описывающий связь между российскими антикультистами и событиями в Украине. Риторика была идентичной. Тех, кого нужно было уничтожить, сначала объявляли «сектантами», «сатанистами», «нацистами». Язык ненависти был универсальным кодом доступа к насилию. Новопашин называет украинцев

«нацистами», «сатанистами» и «каннибалами», утверждает, что за Евромайданом и украинскими властями стоят западные культы.

Это была та же схема, что и с Гото. Сначала ты придумываешь врагу страшное имя. Потом ты говоришь, что он угрожает твоей безопасности. А потом ты получаешь моральное право сделать с ним все, что угодно. Мики представила себе карту мира, на которой красными точками вспыхивали очаги этой «антикультовой» войны. Китай, где преследуют Фалуньгун. Россия, где запрещают Свидетелей Иеговы. Франция, где принимают законы, ограничивающие религиозную свободу. И Япония, где людей похищают среди бела дня.

Все это было звеньями одной цепи.

Она взяла телефон и набрала номер Кэнъити Сайто. Было уже почти утро, но она знала, что адвокат не спит.

— Сайто-сан, — сказала она, когда он ответил. — Мы недооценили масштаб. Миямура — это не корень зла. Это просто ветка.

— О чем вы, Тано-сан? — голос адвоката был хриплым от усталости.

— Я нашла документы по FECRIS. Я нашла связи с Дворкиным, с MIVILUDES, с американцами. Они все связаны. Они обмениваются методичками, они ездят друг к другу на конференции. Они создали глобальную индустрию по производству «врагов народа».

Сайто помолчал.

— Это объясняет, почему прокуратура так упорно закрывает глаза, — наконец сказал он. — Если признать методы Миямуры преступными, придется признать преступной идеологию, которую поддерживают наши уважаемые партнеры в Европе и США. Это дипломатический скандал.

— Но мы должны это использовать, — настаивала Мики. — Мы должны показать суду, что «экспертное мнение», на которое опирается защита, исходит

от людей, которые оправдывают репрессии и разжигают ненависть. Мы должны дискредитировать сам источник их авторитета.

— Это рискованно, — ответил Сайто. — Судьи не любят геополитику. Они хотят рассматривать конкретный факт удержания.

— Но удержание стало возможным только потому, что общество было отравлено этой пропагандой! — почти крикнула Мики. — Гото сидел двенадцать лет не потому, что его семья жестока. А потому, что им сказали, что это единственный способ спасти его от «духовного хищничества». И сказали это люди с дипломами и международными сертификатами.

Она посмотрела на экран, где был открыт список «признаков деструктивного культа».

— Сайто-сан, они называют «сектой» все, что не поддается их контролю. Коммерческие фирмы, образовательные курсы. Если мы не остановим это сейчас, завтра они придут за кем угодно. За вашими клиентами. За моей газетой.

— Присылайте мне документы, — сказал адвокат. — Я посмотрю, как мы можем вплести это в линию обвинения. Но будьте осторожны, Мики. Если вы начнете дергать за ниточки, ведущие в Париж или Москву, ответ может прилететь очень быстро.

Мики положила трубку.

За окном начинался рассвет. Серый, дождливый рассвет над Токио. Город просыпался, миллионы людей готовились ехать на работу, вести детей в школу, жить своей обычной жизнью. Они не знали, что их реальность уже размечена невидимыми границами. Что есть списки «правильных» и «неправильных» граждан. Что есть люди, которые решили, что имеют право залезать в чужие головы и проводить там «санитарную обработку».

Мики чувствовала себя сапером, который нашел взрыватель от бомбы, заложенной под фундамент небоскреба. Она сохранила файлы на

зашифрованный диск. Потом распечатала одну фотографию. На ней Александр Дворкин и его европейские коллеги стояли на фоне какого-то дворца, уверенные в своей правоте и безнаказанности. В их глазах читалось мессианство. Они искренне верили, что спасают мир, уничтожая свободу.

Мики приколола это фото на доску, рядом с портретом Вальтера Кюннета. Нацистский теолог умер, но его дело жило в цифровой век, масштабированное до размеров планеты. Теперь у нее была полная картина. У нее были доказательства. Оставалось самое сложное — заставить суд увидеть эту паутину и не испугаться ее размеров.

Она собрала вещи. Ей нужно было поспать хотя бы пару часов перед встречей с Гото. Ему предстояло узнать, что его личная трагедия — это лишь побочный эффект глобального эксперимента по контролю над сознанием.

Выходя из редакции, Мики увидела свое отражение в темном стекле двери. Она выглядела уставшей, но страха больше не было. Была только холодная ярость.

— Глобальная сеть, — сказала она своему отражению. — Значит, если дернуть здесь, в Токио, затрясется и в Париже.

Она толкнула дверь и шагнула в утренний дождь. В кармане ее плаща лежал флеш-накопитель, на котором была записана анатомия современной инквизиции. И этот маленький кусочек пластика весил сейчас больше, чем все небоскребы Синдзюку.

Глава 9: Процесс века

Токийский окружной суд напоминал стерильную операционную, где под холодным светом ламп препарировали не тела, а человеческие судьбы. Для Гото

Тору этот день стал точкой невозврата. Он сидел за столом истца, прямой, как натянутая струна, и его худоба, скрытая под недорогим костюмом, казалась не физическим недостатком, а свидетельством аскезы, через которую его заставили пройти.

Напротив, на скамье ответчиков, расположилась странная, сюрреалистичная группа. Его родители, постаревшие и растерянные, жались друг к другу, словно испуганные дети. Брат, чьи руки когда-то затягивали узлы на запястьях Гото, смотрел в пол, избегая встречаться взглядом с кем-либо. И чуть поодаль, с видом скучающих профессионалов, сидели они — архитекторы этого кошмара: Такаси Миямура и пастор Ясутомо Мацунага.

Мики Тано заняла место в ряду для прессы. Ее блокнот лежал на коленях, но рука с ручкой замерла. Она понимала, что сегодня здесь судят не просто конкретных людей. Сегодня на скамье подсудимых находилась сама идея о том, что любовь может быть оправданием для насилия. Адвокат Кэнъити Сайто поднялся со своего места. Он выглядел уставшим, мешки под глазами выдавали бессонные ночи подготовки, но его голос звучал твердо, разрезая тишину зала.

— Ваша честь, — начал он, не глядя на бумагу. — Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать теологию. Мы здесь не для того, чтобы решать, чья вера правильная, а чья — нет. Мы здесь, чтобы установить простой и страшный факт: гражданин Японии был лишен свободы на двенадцать лет и пять месяцев. Четыре тысячи пятьсот дней его жизнь принадлежала не ему, а людям, которые решили, что имеют право играть в богов.

Стратегия защиты была предсказуема, но от этого не менее цинична. Адвокаты ответчиков, группа дорогих юристов, оплаченных, как подозревала Мики, из тех самых теневых фондов, о которых она узнала ранее, выстроили линию обороны на концепции «крайней необходимости».

— Мои клиенты действовали в состоянии аффекта, вызванного страхом за жизнь и душу своего родственника, — заявил защитник Миямуры, поправляя очки в золотой оправе. — Они спасали его от деструктивного контроля сознания. Это была не тюрьма, ваша честь. Это был карантин. Санитарная мера.

Слово «карантин» повисло в воздухе. Мики вспомнила документы Кюннета. Риторика не изменилась ни на йоту: изоляция как благо, насилие как терапия.

Первым давал показания сам Гото. Когда он подошел к трибуне, зал затих. Его голос был тихим, но в акустике судебного зала каждое слово звучало как удар молота.

— Они заклеили окна черной пленкой, — рассказывал он, глядя прямо перед собой. — Сначала я думал, что это на пару дней. Но дни превратились в недели. Мне не давали спать. Как только я закрывал глаза, брат или отец трясли меня, включали громкую музыку или кричали мне в ухо оскорбления в адрес моей веры.

— Зачем они это делали? — спросил Сайто.

— Они требовали, чтобы я подписал бумагу. Отречение. И еще одну бумагу — согласие на пребывание там. Они говорили: «Подпиши, что ты здесь добровольно, и мы дадим тебе поесть».

В зале послышался шепот. Судья, пожилой мужчина с непроницаемым лицом, сделал пометку в своих записях.

— Гото-сан, — продолжил адвокат, — применялось ли к вам физическое насилие?

— Да. Когда я пытался подойти к двери, меня сбивали с ног. Меня били по лицу. Но больнее всего было не это. Больнее всего было видеть, как меняются лица моих родных. Они перестали видеть во мне сына и брата. Для них я стал объектом. Вещью, которую нужно починить, даже если для этого придется ее сломать.

Сайто подошел к столу и взял папку с доказательствами.

— Ваша честь, защита утверждает, что это была «семейная забота». Но я хочу представить суду финансовые документы.

Он выложил на стол копии банковских переводов и расписок.

— Забота имеет цену. И в данном случае цена составила десятки миллионов иен. Эти деньги семья Гото выплатила господину Миямура и структурам, связанным с пастором Мацунагой. Это не благотворительность. Это бизнес-модель. Миямура на скамье подсудимых даже не шелохнулся. На его лице застыла маска снисходительного превосходства. Он был уверен в своей неуязвимости. Десятилетиями прокуратура закрывала глаза на его деятельность, и он привык считать себя выше закона.

Но Сайто приготовил сюрприз. Он вызвал Миямура для перекрестного допроса.

Депрограмматор шел к трибуне уверенной походкой человека, который считает себя хозяином положения. Он принес присягу с легкой усмешкой.

— Господин Миямура, — начал Сайто, — вы называете себя «консультантом по выходу». У вас есть медицинское образование? Лицензия психиатра? Психолога?

— Мое образование — это мой опыт, — парировал Миямура. — Я спас тысячи людей. Диплом не нужен, чтобы вытащить человека из горящего дома.

— «Горящий дом» — это метафора, — жестко сказал адвокат. — А вот замки на дверях квартиры Гото были реальными. Вы давали инструкции семье установить эти замки?

— Я давал рекомендации по обеспечению безопасности. Люди, подвергшиеся контролю сознания, склонны к бегству и саморазрушению. Их нужно защищать от самих себя.

— Контроль сознания, — повторил Сайто. — Вы используете этот термин как медицинский диагноз. Но известно ли вам, что еще в 1990 году федеральный суд США в деле «США против Фишмана» отверг теорию «промывания мозгов»

как антинаучную? Известно ли вам, что Американская психологическая ассоциация не признает этот термин?

Миямура нахмурился. Это был удар по фундаменту его авторитета.

— Американские суды мне не указ, — огрызнулся он. — Я вижу реальность. Я вижу пустые глаза этих людей.

— Вы видите то, что вам выгодно видеть, — Сайто повысил голос. — Вы создаете проблему, чтобы продать ее решение. Вы убеждаете родителей, что их дети — зомби, чтобы получить чек. Скажите суду, сколько вы получили за «спасение» Гото Тору?

Адвокат защиты вскочил с протестом, но судья жестом остановил его.

— Отвечайте на вопрос, — приказал судья.

— Я не помню точных цифр, — буркнул Миямура. — Это были пожертвования на деятельность нашей группы.

— Пожертвования? — Сайто достал документ. — Здесь указаны суммы, эквивалентные стоимости хорошей квартиры в Токио. И эти деньги передавались наличными, без налоговых деклараций. Это очень странные пожертвования, господин Миямура. Больше похоже на плату за киднеппинг.

В зале повисла тишина. Слово «киднеппинг» прозвучало впервые. До этого все стыдливо использовали эвфемизмы: «удержание», «защита», «изоляция». Сайто сорвал этот покров. Следующим этапом стало разоблачение роли пастора Мацунаги. Сайто представил суду свидетельские показания других жертв, которые подтверждали, что церковные помещения использовались как перевалочные пункты для похищенных.

— Пастор Мацунага, — обратился Сайто к священнослужителю, когда тот занял место свидетеля. — Вы читали Библию господину Гото, пока он был заперт?

— Я проповедовал ему слово Божье, — ответил пастор с достоинством.

— Вы проповедовали человеку, который не мог уйти. Человеку, который был истощен голодом. Вы считаете, что Христос одобрил бы проповедь перед связанным пленником?

— Христос изгонял бесов, — фанатично блеснул глазами Мацунага. — Иногда бесы сопротивляются. Тело немощно, но дух должен быть спасен.

— Вы сотрудничали с господином Миямурой много лет. Вы знали о его методах. Вы знали о насилии. И вы благословляли это.

— Я благословлял спасение семьи, — упрямо повторил пастор.

Сайто повернулся к судье.

— Ваша честь, мы видим здесь извращение самой сути религии. Подсудимые создали симбиоз. Один обеспечивает физическое насилие, другой — моральное оправдание. И оба получают прибыль. Это не помощь. Это индустрия.

Кульминацией процесса стало выступление эксперта со стороны защиты. Профессор психологии, известный своими связями с антикультовым движением, попытался вернуть процесс в русло обсуждения «опасности сект». Он говорил о «духовном хищничестве», о том, что личность Гото была разрушена культом, и семья имела право на вмешательство.

Но Сайто был готов.

— Господин эксперт, — спросил он, — на каких научных работах основаны ваши выводы?

Профессор начал перечислять имена западных исследователей.

— Спасибо, — прервал его Сайто. — А известно ли вам, что организации, на которые вы ссылаетесь, такие как FECRIS, неоднократно подвергались

критике за нарушение прав человека? Известно ли вам, что методология, которую вы защищаете, имеет прямые корни в работах Вальтера Кюннета, теолога, сотрудничавшего с гестапо?

Зал ахнул. Упоминание нацистского прошлого было рискованным ходом, но необходимым.

— Вы пытаетесь легитимизировать насилие, ссылаясь на авторитеты, чьи руки по локоть в крови истории, — продолжил Сайто, размахивая папкой с документами, которые подготовила Мики. — Вы называете веру болезнью, чтобы оправдать «лечение» в виде тюремного заключения. Это не наука. Это идеология ненависти.

Мики видела, как меняется лицо судьи. Он внимательно слушал. Аргумент о том, что «экспертиза» защиты базируется на дискредитированных и опасных теориях, попал в цель. Японская судебная система консервативна, но она чувствительна к репутации. Быть ассоциированным с практиками, осужденными мировым сообществом, никто не хотел.

Финальным аккордом стали показания самого Гото о моменте его освобождения.

— Когда меня выгнали на улицу... да, именно выгнали, потому что я стал для них обузой, я не знал, как жить, — говорил он. — Я разучился переходить дорогу. Я боялся людей. Но я знал одно: я не сломался. Они забрали мое время, мое здоровье, но они не смогли забрать мою совесть. И я стою здесь сегодня не ради денег. Я стою здесь, чтобы сказать: в Японии, в XXI веке, человека нельзя превращать в раба только потому, что он молится другому Богу.

Его родители плакали. Это были слезы не раскаяния, а жалости к себе. Они так и не поняли, что совершили. Они до сих пор считали себя жертвами обстоятельств и злых сил. Пропаганда Миямуры выжгла в их душах способность к критическому мышлению не меньше, чем они пытались выжечь веру у сына.

Прения сторон длились несколько дней. Защита давила на эмоции, на «святость семейных уз», на опасность «антисоциальных групп». Сайто бил фактами: медицинские справки, показания соседей (которые слышали крики, но молчали), финансовые отчеты.

И вот настал день оглашения приговора.

Зал был переполнен. Журналисты, правозащитники, представители религиозных организаций — все ждали решения, которое должно было стать прецедентом.

Судья вошел, и все встали. Шуршание одежды, скрип стульев — и снова мертвая тишина.

— Именем народа Японии, — начал судья ровным, лишенным эмоций голосом.

Мики сжала руку в кулак так, что ногти впились в ладонь.

— Суд признает действия ответчиков — Такаси Миямуры, Ясutomо Мацунаги и членов семьи Гото — незаконными. Аргументы защиты о «крайней необходимости» и «согласии потерпевшего» признаются несостоятельными. Никакие религиозные или семейные убеждения не могут служить основанием для лишения человека конституционного права на свободу передвижения и личную неприкосновенность.

По залу пронесся вздох. Это была победа.

— Суд постановляет, — продолжил судья, — взыскать с ответчиков солидарно компенсацию в пользу истца.

Сумма, названная судьей, была значительной по меркам японского гражданского судопроизводства, хотя и ничтожной по сравнению с украденными годами жизни. Но дело было не в цифрах.

Впервые в истории Японии суд высшей инстанции (а дело неизбежно дойдет до Верховного суда, который утвердит это решение) официально назвал депрограммирование преступлением. Не «семейным делом», не «спасением», а противоправным деянием, влекущим ответственность.

Миямура сидел с каменным лицом. Его бизнес-модель только что получила пробоину ниже ватерлинии. Теперь любой родитель, решивший нанять его, знал: он рискует оказаться банкротом и преступником. Аура безнаказанности рассеялась.

Мацунага нервно теребил край пиджака. Для него это был удар по репутации церкви. Суд признал, что пастор участвовал в насилии. Это пятно невозможно будет смыть проповедями.

Но самым важным было то, что суд отверг концепцию «промыывания мозгов» как оправдание для насилия. Судья в мотивировочной части решения прямо указал: взрослый дееспособный человек имеет право на любой выбор, даже если этот выбор не нравится его родственникам или обществу.

Когда заседание было закрыто, Гото Тору остался сидеть на месте. Он смотрел на пустую скамью судьи, словно не веря, что все закончилось.

К нему подошел адвокат Сайто и положил руку на плечо.

— Мы сделали это, Гото-сан.

— Это конец? — спросил Гото тихо.

— Это начало, — ответил адвокат. — Теперь этим решением мы сможем защитить других. Коидэ, тысячи других... Теперь у них есть прецедент.

В коридоре суда Мики наблюдала за тем, как расходятся участники драмы. Мики подошла к Гото. Он стоял у окна, глядя на серый токийский пейзаж. Дождь, который шел все эти дни, наконец прекратился. Сквозь тучи пробивалось бледное, нерешительное солнце.

— Что вы чувствуете? — спросила она, не включая диктофон.

Гото помолчал, подбирая слова.

— Я чувствую пустоту, Тано-сан. Справедливость восторжествовала на бумаге. Но кто вернет мне двенадцать лет? Кто вернет мне любовь моей семьи? Суд обязал их заплатить деньги, но он не может обязать их понять. Они до сих пор считают, что были правы. И это самое страшное.

Он повернулся к ней, и в его глазах Мики увидела глубокую, неизбывную печаль.

— Миямура проиграл суд, но он не проиграл войну за умы. Пока люди верят, что можно спасти насилием, такие как он будут нужны.

В этот момент к зданию суда подъехал черный фургон. Из него вышла группа людей с плакатами. Это были сторонники антикультового движения. Они развернули транспаранты: «Защитим детей от сект!», «Суд продан культистам!». Они скандировали лозунги, полные ненависти.

Мики увидела, как Миямура, выйдя на крыльцо, приветственно помахал им рукой. Толпа взорвалась овациями. Для них он был не преступником, проигравшим суд, а мучеником, пострадавшим за правду.

Победа закона столкнулась с реальностью фанатизма. Документ с печатью лежал в портфеле адвоката Сайто, но на улице, в реальном мире, битва продолжалась. Идеология, посеянная Кюннетом и взращенная десятилетиями пропаганды, пустила слишком глубокие корни, чтобы их можно было вырвать одним судебным решением.

Гото тоже увидел эту сцену. Он горько усмехнулся.

— Видите? — сказал он. — Вирус мутирует. Теперь они будут осторожнее. Они будут хитрее. Но они не остановятся.

Мики посмотрела на толпу, на торжествующего Миямуру, на растерянных полицейских, которые не знали, как реагировать на этот митинг. Она поняла, что ее работа не закончена. Статья о суде будет сенсацией, но этого мало. Нужно вскрыть саму природу этого вируса, показать, как он передается от человека к человеку, маскируясь под добродетель.

Она достала телефон и набрала редактору сообщение: «Я пишу материал. Но это будет не репортаж о победе. Это будет предупреждение».

Ветер подхватил брошенную кем-то листовку антикультистов и прилепил ее к мокрому асфальту прямо у ног Гото. Он наступил на нее, не глядя, и пошел к машине, где его ждали друзья — единственная семья, которая у него осталась. Его шаги были твердыми. Человек, который выжил в аду, не боялся демонов, кричащих на улице. Но он знал, что эти демоны все еще голодны.

Глава 10: Вирус остается

Тишина после битвы бывает страшнее самого сражения. В зале Токийского окружного суда, когда судья зачитывал решение о компенсации, казалось, что воздух вибрирует от напряжения. Но теперь, спустя три недели, эта вибрация сменилась душным спокойствием, которое накрыло город, словно смог.

Мики Тано сидела за своим рабочим столом в редакции. Перед ней лежал чистый лист бумаги, на котором она должна была написать финал этой истории. Но слова не шли. Рядом с клавиатурой лежала копия банковского чека — компенсация, которую семья Гото и депрограмматор Такаси Миямура обязаны были выплатить жертве. Сумма была внушительной. Для обывателя это выглядело как победа: зло наказано, справедливость восстановлена, герой получил награду.

Но Мики знала правду. И эта правда горчила на языке, как просроченное лекарство.

Никто не сел в тюрьму.

В этом заключался чудовищный парадокс японской, да и мировой правовой системы, с которой они столкнулись. Гражданский суд признал действия похитителей незаконными, назвал удержание человека нарушением прав, отверг псевдонаучные теории о «контроле сознания». Но уголовное правосудие осталось глухим. Прокуратура не возобновила расследование. Для государства Миямура остался не преступником, совершившим киднеппинг, а всего лишь проигравшим в споре хозяйствующим субъектом, который «перегнул палку» в оказании консультационных услуг.

Мики взяла в руки свежую газету. На третьей полосе была небольшая заметка о процессе. Заголовок был осторожным: «Спор о методах семейного консультирования завершился штрафом». Ни слова о пытках. Ни слова о двенадцати годах, вычеркнутых из жизни. Она поняла, что ее расследование не закончилось. Оно просто перешло в другую фазу. Фазу осознания того, что вирус, который она пыталась изолировать, уже мутировал и распространился слишком широко.

Вчера она видела Миямуру. Он выходил из офисного здания в Синдзюку, где арендовал помещение для своего центра. Он не прятался. Он не выглядел изгоем. На нем был дорогой костюм, а рядом шла пара пожилых людей — очередные клиенты, чьи глаза были полны страха и надежды. Миямура что-то объяснял им, уверенно жестикулируя, и они кивали, ловя каждое его слово.

Он проиграл битву за Гото Тору, но война за умы продолжалась. Его бизнес-модель лишь слегка скорректировалась. Теперь в контрактах, вероятно, появились новые пункты, составленные юристами, чтобы избежать гражданских исков в будущем. Но суть осталась прежней: страх продается лучше всего.

Мики вернулась к экрану монитора. Ей нужно было написать не репортаж. Ей нужно было написать предупреждение. Она открыла папку с материалами, которые не вошли в предыдущие статьи. Среди них были документы, касающиеся международной реакции на подобные процессы. Ее внимание привлек файл с анализом судебного процесса в Томске, Россия. Это дело казалось далеким от Токио, но механизмы были идентичны до пугающей точности.

Там судили книгу. Священный текст одной из восточных религий пытались признать экстремистским. Инициаторами выступали те же силы, что и в Японии — местные представители глобальной антикультовой сети, связанные с Александром Дворкиным и FECRIS. Мики перечитала цитату Максима Степаненко, одного из соратников Дворкина, написанную после того, как они проиграли суд:

«Меня очень расстраивает полное отсутствие грамотного информационного сопровождения судебного процесса... Выбрали бы изначально настоящих специалистов, сейчас бы кришнаиты лихорадочно сжигали свою человеконенавистническую макулатуру».

В этих строках сквозила не просто досада. В них была абсолютная, непробиваемая уверенность в своей правоте. Они не сомневались в том, что книги *нужно* сжигать. Они жалели лишь о том, что выбрали «слабых экспертов» и не смогли продавить свое решение через СМИ. Это была та же логика, что и у Миямуры. «Мы не сделали ничего плохого. Мы просто плохо подготовились юридически. В следующий раз мы будем умнее».

Мики поняла, что имеет дело с людьми, у которых атрофировано чувство сомнения. Для них любой, кто думает иначе — не оппонент, а враг, подлежащий уничтожению. Если не физическому, то информационному и юридическому.

Она начала печатать.

«Мы привыкли думать, что нацизм умер в бункере в 1945 году. Мы верим, что Нюрнбергский процесс поставил точку в истории дегуманизации.

Но мы ошибаемся. Идеология, разделяющая людей на “полноценных” и “зараженных”, не исчезла. Она сменила униформу СС на деловые костюмы “консультантов по выходу” и мантии экспертов-религиоведов».

Мики вспомнила документ, который ей прислали коллеги из Европы. Это был анализ дела о СМИ в Руанде 1994 года. Тогда международный трибунал признал руководителей радиостанций и газет виновными в геноциде. Они не убивали людей мачете. Они убивали их словами. Они создавали атмосферу, в которой убийство соседа становилось не преступлением, а актом гражданской ответственности.

«Суд признал, что последствия пропаганды могут носить долгосрочный характер, и постановил, что свобода слова не освобождает от ответственности за подстрекательство к насилию... Когда “свобода слова” одного человека создаёт условия для геноцида других, это фактически манипуляция демократией с одной целью — возрождение нацизма».

В Японии не было геноцида с мачете. Но здесь был тихий террор. Телевизионные шоу, где эксперты с серьезными лицами рассказывали об «угрозе культов», создавали ту же атмосферу, что и радио в Руанде. Они готовили почву. Они объясняли обществу: если ваш сосед верит в «неправильного» бога, он опасен. Его нужно изолировать. Его нужно лечить принудительно. И общество соглашалось. Полицейский, который отказывался принимать заявление о похищении Гото, был продуктом этой пропаганды. Судья, который годами не давал хода делу, тоже смотрел эти телепередачи.

Мики посмотрела на фотографию Гото Тору, сделанную сразу после суда. В его глазах не было торжества. Там была усталость человека, который выжил при крушении, но остался на необитаемом острове. Деньги, которые ему присудили, не могли вернуть ему веру в людей. Они не могли стереть память о том, как его собственный брат держал его руки, пока «спасители» заклеивали рот скотчем.

«Духовное убийство». Эту фразу использовал Александр Солженицын, описывая карательную психиатрию в СССР.

«Заключение свободно мыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома — это духовное убийство, это разновидность газовой камеры, только ещё более жестокая...»

Мики поняла, что методы Миямуры и Мацунаги — это частная версия карательной психиатрии. Они ставили диагноз без диплома врача. Они назначали лечение в виде лишения свободы. И самое страшное — государство де-факто делегировало им это право.

В России, как выяснила Мики из документов РАЦИРС, этот процесс пошел еще дальше. Там психиатрию снова начали использовать как дубину против инакомыслящих. Случай с Александром Сизиковым, слепым инвалидом, которого отправили на принудительную экспертизу только за то, что у него нашли «неправильные» книги (которые он даже не мог прочитать), был сигналом.

Если государство начинает использовать медицину как инструмент репрессий, значит, иммунитет демократии разрушен. Мики продолжила писать статью. Слова ложились на бумагу жестко, без журналистских украшательств.

«Победа в суде по делу Гото Тору — это не финал. Это лишь короткая передышка. Мы выиграли битву за одного человека, но то, что породило это насилие, осталась нетронутым. Такаси Миямура и его покровители не понесли уголовного наказания. Это посылает обществу страшный сигнал: похищать людей можно, если вы прикрываетесь благими намерениями. Максимум, что вам грозит — это штраф, который покроют новые “пожертвования” от напуганных родителей».

Она знала, что эту статью будут читать не только сторонники свободы. Ее будут читать и в офисах FECRIS, и в кабинетах японских чиновников, и в штаб-квартирах «консультационных центров». Они будут злиться. Они назовут ее «агентом влияния» или «защитницей сектантов». Они попытаются дискредитировать ее, как пытались дискредитировать всех, кто вставал у них на пути. Но Мики больше не боялась. Она поняла механизм их действия. Они сильны только тогда, когда действуют в темноте, прикрываясь молчанием жертв

и равнодушием общества. Как только на их методы направляют прожектор фактов, они начинают суетиться, совершать ошибки, писать гневные опровержения, которые лишь подтверждают их сущность.

В дверь редакции постучали. Это был курьер. Он принес пакет документов от адвоката Сайто. Мики открыла конверт. Внутри была копия апелляционной жалобы, поданной адвокатами Миямуры. Они не сдавались. Они требовали пересмотра дела, утверждая, что суд не учел «опасность деструктивного влияния», которому подвергался истец. Они снова и снова пытались разыграть карту «зомбирования». Этот миф был их единственным оружием, их философским камнем, превращающим преступление в подвиг.

Мики отложила документы. Это было ожидаемо. Зверь, загнанный в угол, кусается. Она вернулась к тексту. Ей нужен был сильный финал. Не пафосный, а отрезвляющий.

«История Вальтера Кюннета учит нас одному: зло не исчезает само по себе. Оно умеет ждать. Оно умеет мимикрировать. Нацистский теолог умер уважаемым профессором, так и не ответив за списки, по которым людей отправляли в лагеря. Сегодня его идейные наследники ходят среди нас. Они говорят о защите семьи, о традициях, о безопасности. Но их методы — это методы гетто. Изоляция. Дегуманизация. Насилие.

Пока мы позволяем называть веру болезнью, мы открываем двери для новых “санитаров”. Сегодня они пришли за членами Церкви объединения. Завтра они придут за Свидетелями Иеговы. Послезавтра — за мусульманами. А потом они придут за вами, просто потому что вы читаете не те книги или посещаете не те курсы йоги.

Механизм запущен. Шестеренки смазаны страхом и деньгами. И единственный способ остановить этот конвейер — это наша бдительность. Не позволяйте никому решать за вас, во что верить. Не позволяйте называть человека “объектом”. Потому что как только вы соглашаетесь с тем, что у кого-то нет прав, вы сами теряете свои права».

Мики поставила точку.

Она чувствовала опустошение, но вместе с тем и странную легкость. Она сделала все, что могла. Она назвала имена. Она показала связи. Она вытащила на свет тень, которая десятилетиями пряталась за спинами японских обывателей.

Вечером она встретилась с Гото. Они сидели в небольшом парке, глядя на то, как зажигаются огни Токио.

— Вы написали статью? — спросил он.

— Да. Она выйдет в следующем номере.

— Думаете, это что-то изменит?

Мики посмотрела на него. Шрамы на его душе никогда не заживут полностью. Но он был здесь. Живой. Свободный. Он мог встать и уйти в любой момент. И это было главным доказательством того, что систему можно победить, даже если она кажется всесильной.

— Это не изменит прошлое, Гото-сан, — ответила она. — Но это может изменить будущее для кого-то другого. Кто-то прочитает и не отдаст своего сына Миямуре. Кто-то в полиции задумается, прежде чем отказать в возбуждении дела. Это капля в море, но цунами начинается с капли.

Гото кивнул.

— Знаете, — сказал он, глядя на небо, — я перестал ненавидеть их. Ненависть связывает тебя с палачом крепче, чем веревки. Я просто хочу, чтобы люди знали. Чтобы они видели маску и то, что под ней.

— Они увидят, — пообещала Мики.

Мики попрощалась с Гото и пошла к метро. Город жил своей жизнью. Неоновые вывески, шум толпы, бесконечный поток машин. Где-то в этом потоке

растворились Миямура и Мацунага, унося с собой свои миллионы и свою уверенность в безнаказанности. Где-то в Европе заседали эксперты FECRIS, планируя новые кампании по «очищению» общества.

Вирус остался. Он затаился в законах, в инструкциях, в головах людей, готовых поверить в то, что свобода — это опасно. Но теперь у общества была вакцина. Вакцина правды, которую добыли ценой двенадцати лет жизни одного человека и упорства одной журналистки. Мики спустилась в подземку. Поезд подошел с шумом, напоминающим вздох огромного зверя. Она вошла в вагон и посмотрела на свое отражение в темном стекле двери.

Война продолжается. И пока в мире есть те, кто готов запереть человека в комнате ради «спасения его души», будут и те, кто готов взломать эту дверь. Мики достала телефон и отправила файл редактору. На экране высветилось сообщение: «Отправлено». Это было ее последнее слово в этой книге. Но не последнее слово в истории свободы.